

**Военные
Приключения**

ЧЕТЫРЕ ШАГА В БРЕДУ



ЕВГЕНИЙ ТАГАНОВ

Евгений Иванович Таганов

Четыре шага в бреду

Серия «Военные приключения (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73859267

Четыре шага в бреду:
ISBN 978-5-4484-3542-3

Аннотация

2002 год. Жизнь добропорядочного отеляера и разведчика-нелегала Алекса Копылова идет хорошо отлаженным порядком. Однако кипучей натуре Алекса этого мало, и постоянно не дает покоя мысль, как бы еще денежно подкузьмить Штаты. Снова и снова пристаёт он к старшим товарищам: дайте мне супернейшую тупиковую военную разработку, на возню с которой у матрасников» ушло бы года два-три и пара миллиардов «зелени». Но вдруг в одночасье меняется все. Петр Зацепин в Москве получает записку без подписи: «Вы будете убиты медленно». От матрасников Копылову поступает предложение-приказ перебраться в Москву и организовать аналог клуба «Биремы», только в пятикратном размере. Вдобавок Алексу приходится взяться за поимку одного старого недруга, немало попортившего ему нервов. А когда это Копылову удастся, новые обстоятельства вынуждают его заняться выбиванием долгов от

одних миллионеров другим. И теперь вся жизнь Алекса движется четырьмя параллельными курсами...

Содержание

Первая часть	7
1	7
2	13
3	19
4	28
5	33
6	40
7	47
8	55
9	66
10	70
11	77
12	81
13	88
14	91
15	96
16	99
17	106
18	111
19	118
20	122
Вторая часть	125
1	125

2	129
3	133
4	138
5	143
6	149
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Евгений Иванович Таганов

Четыре шага в бреду

© Таганов Е.И., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Первая часть

1

Капитан ГРУ Николай Григорьевич Стас звонил Копылову по мобильнику редко, да метко. Вот и сейчас он обронил одну лишь фразу:

«А ты в курсе, что твою Веру хотят облить кислотой?»

Секунд десять Алекс соображал, не подначка ли это, кажется, не подначка.

– Я бегу, – он захлопнул электронную книгу, натянул джинсы и метнулся к двери.

– Ты куда? – Из кухни в прихожую выглянула Вера.

– Сейчас! – нервно бросил Алекс и, не дожидаясь лифта, по лестнице через три ступеньки помчался с восьмого этажа на второй в съемную двуххатку Стаса.

– С меня двадцать копеек за хороший прикол! – проговорил Копылов уже в прихожей капитана.

– Двадцать так двадцать. – Стас был сама невозмутимость. На кухонной плите разогревалась магазинная паэлья – знатный ужин дважды разведенного мужчины.

– Будешь? – хозяин сгрузил себе на тарелку половину скороды.

Алекс отрицательно покачал головой и занял место на та-

буретке с подушкой. Стас добавил себе еще часть паэлы и налил рюмку бренди. Кивком спросил, не налить ли гостю, и, получив отрицательный ответ, глотнул огненной воды и принялся за трапезу.

Копылов ни о чем не спрашивал, просто смотрел на своего инструктора тайных дел, дожидаясь продолжения базара.

– Две твоих танцорки разминали это уже второй раз.

Спрашивать о том, как узналось, не имело смысла – за стеной в малой комнате стояла мощная аппаратура, позволяющая Стасу прослушивать не только клуб-отель «Бирему» и охранное агентство «Стрелец», но и квартиры всех троих поднадзорных фабзайцев: Алекса, Жорки Хазина и Евы Заславской.

– Фамилии?

– Еще чего! Сам вычисли, что, я зря тебя учил?

– Вы же знаете, к чему приводит, когда меня заранее не предупреждают?

– Когда предупреждают, результат еще хуже, – не остался в долгу капитан.

– И какой теперь мой стратегический план?

– Жениться тебе надобно, барин.

– На ком? На Вере?

– У тебя есть другие варианты?

Алекс не мог удержаться от смеха:

– Два года вы хотели ее убрать от меня, а теперь: женись!

С чего такой откат?

– Жену никто кислотой обливать не будет, а простую по-другу запросто.

– И свидетелем у меня на свадьбе будете? – еще не верил Алекс.

– Не откажусь.

– Так я пойду ей это скажу, – гость поднялся уходить. Его никто не останавливал. Пришлось сесть и снова уставиться на жующего мужика с метровыми плечами.

– Ну и что мне с этими танцорками делать?

– Тебе решать.

– Так это просто их болтовня или что?

– Забыл, как в твоего Хазина юная дама за «Мастера и Маргариту» две пули всадила? В мое время я бы принял их угрозы за пустое, а сейчас ни за что не поручусь.

– Ну так как фамилии? – повторил Копылов.

– А не проще с танцами совсем завязать? И распустить дамочек по домам.

– И все поймут, что их любимый отельер уже не тот.

– Так это и так все давно поняли. Это в двадцать лет ты мог косить под несмышленища, и девицы хотели к тебе только в койку. Сейчас двадцать три, и ты всем доказал свою денежную состоятельность. Теперь на тебя охота уже как на мужа. Играй на опережение – женись! – И капитан как не крепился, заржал во весь голос.

«А и женюсь», – говорил себе Алекс, поднимаясь на лифте на свой этаж. Ужин из трех блюд ждал его в гостиной.

Журнальный столик возле мягкого уголка легко поднимался на тридцать сантиметров, и это было уже совсем не то, что ужинать на кухне. Наблюдая, как Вера сервирует столик, он невольно отметил, как здорово ее, тверскую девчонку, преобразили эти два с половиной года жизни в Северной Пальмире, превратив из скромной железнодорожной проводницы в библиотекаршу, а заодно в писательницу заказных детских книжек со столичными жизненными приоритетами и удивительным игнорированием негативных сторон окружающей действительности. До полной соратницы еще не доросла, но до полусоратницы вполне. И вот какая-то идиотка плеснет в ее простое и милое лицо кислотой. На всякий случай принес из кабинета глушилку, сунул в карман, но пока нажимать зеленую кнопку не стал.

– Николай Григорыч что-то от тебя хотел? Или секрет? – спросила она, отпивая из бокала итальянское вино.

– Сказал, что мне срочно надо на тебе жениться.

– Ого! Я думала, что он всегда был против этого.

– Он это тебе говорил? (Вера до сих пор была в неведении, что вся их Треххатка, за исключением туалета и лоджии, прослушивается Стасом и, может быть, не им одним.)

– Я же у тебя инженер человеческих душ, сама вижу. (За время их счастливого сожительства она успела уже нарастить порядочные саркастические коготки.)

– Так мне бросаться перед тобой на колени или как?

– Ты же знаешь, что я за бандюгана замуж никогда не

пойду. – Ее улыбка была полна высокой интеллигентной насмешливости, явно не по чину ее сегодняшнему статусу простой библиотекарши.

– Но я хороший бандит. И какая разница, у нас и так с тобой гражданский брак.

– Ну, раз нет разницы, то о чем разговор.

Он нащупал в кармане зеленую кнопку, но так и не нажал – пусть кому надо слушают.

– Уважаемая публика желает более развернутого ответа, иначе станет думать: или девушка с хитрым прицелом, или просто с придурью. Не я, публика так будет думать.

– Как тебе моя селедка под шубой?

– Замечательно. Только жаль времени, которое ты на нее потратила.

– Для любимого ничего не жалко.

Вот и поговорили. Впрочем, он знал, что продолжение будет. Так и случилось, часа через полтора, после их продолжительного со вкусом интима, она заговорила сама, положив свою чуть растрепанную головку ему на плечо.

– Пока мы не муж и жена, я чувствую себя свободным человеком. Могу встать как-нибудь в твое отсутствие, взять ноутбук и электронку и навсегда покинуть твою малину.

– Думаешь, я тебя буду удерживать?

– Знаю, не будешь, поэтому до сих пор я и здесь.

– А другой вариант. Меня вдруг подстрелят, а ты по завещанию единственный наследник всей моей собственности, и

если жена, то ни у кого никаких вопросов, а если всё любви-нице, то ты не представляешь, сколько людей будут строить тебе козни.

– А я отдам все твое наследство в монастырь – и будешь тогда знать.

– Это выход! – оценил он. – Но есть еще нюанс: без законной вдовы я останусь как полный лузер, чиркнул по небосводу и исчез без всяких следов.

– Ты точно так думаешь? – Вера даже включила ночник, чтобы лучше рассмотреть его двух-трехсмысленный лик.

– Да нет, просто придуриваюсь, – отделался ухмылкой.

– Хорошо, я подумаю, – сказала она, дико разозлив его этим соизволением.

«К черту! Никогда не быть тебе моей женой! Никогда!» – рычал он про себя, засыпая.

2

Два года назад, когда Копылову было предложено купить отель «Бирему» на 12 двухкомнатных номеров, дабы разместить там «Лэнгвидж Скул» с английскими преподами, он воспринял это как чистый отъем у него шестисот тысяч баксов из только что полученного родительского наследства. Мол, вот тебе, студент, неподъемное задание, посмотрим, как глупо и бездарно ты им распорядишься. А тут еще наезды питерских мелкопоместных бандюганов, учеба на заочном в гражданском вузе (прикрытие), учеба в Инкубаторе (не прикрытие), обустройство личной жизни (новая квартира со стационарной подругой Верой). И всему этому ежеминутно надо доказывать, что ты «не тварь дрожащая, а право имеешь». И все эти два года он каждый день отпраплялся в свою «Бирему», сжав кулаки и зубы, со словами: «Приду и всех победю». Самое удивительное, что сие заклятие непостижимым образом ему здорово помогало.

Первый год его отеллерства, правда, вышел весьма стремным. Наверное, сосредоточься Алекс целиком на постижении и углублении доставшегося ему «хозяйства» вряд ли что путное получилось. Но он счастливо пошел другим путем – стал расширять «хозяйство» в разные стороны: отельный буфет превратил в модное кафе, открыл компьютерную газету и киноклуб, из бывших гопников составил охранный агент-

ство «Стрелец», из псковских шабашников основал фирму «Буратино», из перегоняемых из Хельсинки легковушек – магазин «АвтоДом», в подвале отеля завел боксерскую студию, Ффитнес-зал, танцпол. Всем своим видом как бы говоря персоналу «Биремы»: «Мне некогда, занят расширением бизнеса, так что вы уж в отелем как-то сами, сами».

Весьма кстати пришелся однокашник по 114-й школе-интернату Жорка Хазин. Вызванный Алексом из Москвы на кулачную разборку с рэкетирами, он так в Питере и остался. Хазину-старшему, владельцу фирмы по торговле немецкой бытовой техники, потребовался свой филиал в северной столице, на руководство которого его сынок-лоботряс и был определен. Их с Алексом «Янычарский лицей» нигде в документах не светился, аттестаты зрелости были совсем из других школ, а дружба началась, когда, учась в московском вузе, Алекс подрабатывал репетиторством по испанскому языку, и Жорка полтора года был его лучшим учеником.

Второй раз закорешившись уже здесь в Питере, они быстро получили у персонала отеля прозвище князьков: старший князек Алекс, богатый наследник погибших в Коста-Рике в «автокатастрофе» родителей, и младший князек Хазин, сын московского предпринимателя (бывшего вертолетчика и Героя Советского Союза). Заодно получилось и отменное противоядие против скрытого снобизма лондонских преподавателей «Лэнгвидж Скул», по крайней мере, когда в «Биреме»

появлялись студенты-латиносы, с которыми князьки всласть тусовались на чистом спанише.

Ну и конечно, общие бизнес-дела, стоять за которые против рэкета гораздо сподручнее спина к спине. В ста километрах от Питера они на паях с Хазой приобрели заброшенный пионерлагерь, где развернули базу отдыха «Фазенда» с конюшней, гидроциклами и велосипедами. Под эту лавочку и все их тайные дела пошли самым органичным и естественным путем.

Третьим и четвертым поделниками в их полукриминальном бизнесе стали капитан Стас и Ева Заславская. Первый оказался во все это втянутым, когда начальство благословило его стать у Копылова начальником агентства «Стрелец», вторая (тоже выпускница 114-го интерната) была приставлена к Алексу еще до Хазина и долгое время пыталась играть роль то ли старшей сестры, то ли Девушки Бонда, но кончила тем, что перестала супротивничать выходкам *малолетки* и поплыла по течению уже в качестве официального менеджера копыловской «Биремы».

Долгое время считалось, что матрасники завербовали Алекса в Хельсинки (при получении родительского наследства) чисто за красивые глаза: «Позволим тебе пользоваться твоими же полутора миллионами при условии оказывания нам мелких необременительных услуг». Позже, однако, выяснилось, что официально погибшая в Коста-Рике мама Алекса жива и под именем Красной вдовы настолько успеш-

но работает на кубинскую разведку, что достать ее матрасникам придумалось через вербовку ее сына. В общем, пошли бодрые подковерные шпионские игры, все дивиденды от которых стали складироваться на валютном банковском счету Копылова. Его собственные агентурные услуги действительно оказались мелкими и незначительными. Помимо маминых роялти (весьма увесистых, однако) на его питерский счет из Хельсинки стали приходить кругленькие суммы, которые Алекс потом передавал в конвертах без подписи нужным агентам влияния. Второй его заботой была «Лэнгвидж Скул», которую ему надлежало обеспечить отменной тусовкой золотой питерской молодежи. Третье задание выглядело самым невыполнимым: интернет-газета, где наряду с обычной журналистикой он должен был помещать то, что пришлют ему из-за кордона. Это его редакторство вызывало лишь улыбку, если учесть, что по-русски до тринадцати лет Алекс не знал ни одного слова. Но приехал Жорка, создал нужный сайт, назвал его «Светлобесом» – и дело пошло.

Ну, а для души и мускулатуры у князьков, чтобы не заплыть унылой шпионской мелочовкой, были родные русопятые уголовники, которые в начале нулевых еще не отказались от привычки крышевать мелких бизнесменов. Слегка пободавшись с ними, оба наших молодчика после неожиданной гибели (сторонней) бандитского авторитета Лукача сами осуществили рейдерский захват лукачской ОПГ, частью тишком пересадив братков на большие сроки по колониям,

частью взяв их на довольствие в охранное агентство «Стрелец». А чтобы сей специфический контингент не заскучал без кулачных и воровских дел, князьки приспособили его (и сами приспособились) к регулярному участию в Ратоборстве исторических реконструкторов. Вот уж где можно было отвести душу, вволю махая мечом или алебардой. Бедный капитан Стас как мог хулил эту затею, но сам пару раз тоже с удовольствием облачался в колонтарь и шлем с бармицей.

Еще в самом начале своего романа с Верой Алекс, дабы объяснить подруге возникшие ниоткуда: Треххатку, собственный отель, «Фазенду», «признался», что является консьержи-казначеем некой московской ОПГ. Объяснение было доверчиво принято, ведь любой миллион официального наследства точно так же может быть просто грамотной отмывкой бандитских денег. Отсюда и это «ласковое» прозвище своего гражданского благоверного Бандюган. Кстати, когда Вере время от времени докладывали о любовных похождениях Алекса, она тоже вполне удовлетворялась его объяснением:

– Бабы наветы. (Словарь Даля был его любимым чтением.) Разве я могу мою королеву сменять на какую-то чучундру? Мне это просто самолюбие не позволит.

– Думаю, не сможешь, – соглашалась она, пристально глядя ему в бесстыжие глаза.

Какое все-таки великое дело было иметь гражданскую супругицу, которая не желала играть по обычным дамским

правилам.

3

– Раз-два, поворот, три-четыре, твой нырок, пять-шесть, синхрон спиной...

Рок-н-рол гремел в четверть силы, дабы слышать слова. Танцпол представлял собой подвальное помещение (20 квадратов) с двойной шумоизоляцией. Заниматься танцами здесь могло не больше трех пар плюс пяток зрителей. Сегодня любителей спортивного рок-н-рола было лишь трое: Алекс, заведующая клубом Лара и платная ученица Сабина. Сомневаться не приходилось: только эта штучка со своей приятельницей, которая сегодня отсутствовала, могли говорить о Вере и кислоте.

На самом деле штучку звали Светой, но она требовала называть себя Сабиной, за глаза у нее еще было прозвище Банкирша. Папин бездонный карман позволял ей учиться по году в пяти институтах, мотаться по закордонным курортам, отовариваться в бутиках, разбивать по одному дорогому авто за сезон и быть в замечательной *архитектурной* форме, как называли таких в «Янычарском лицее». Лара еще определяла ее как *неброскую, но дорогую*, имея в виду одежду Сабинины, но то же самое можно было сказать и о всем ее облике. В общем, достойное чадо первых распальцованных российских миллионеров с никудышным образованием, вульгарной спесью и каппризами дворянской курицы. В «Биреме» она по-

пала сначала на киноклуб, потом записалась в «Лэнгвидж Скул» (английский ведь можно учить бесконечно), далее была тусовка с молодыми художниками и журналистами и наконец студия по спортивному рок-н-ролу. После трех общих занятий она попросила у Алекса персонального обучения.

– Десять тысяч в час, – невозмутимо произнес он (обычная такса была 2 тысячи).

– It's good, – довольно хмыкнула она и при всем честном народе полезла в сумочку.

Он еле вывернулся, под общий смех стал рассматривать ее кюпюры на свет – не фальшивые ли.

Так у них и пошло по часу 2 раза в неделю. Плюс к этому было почти ежевечернее торчание Сабины в «Биреме», будь то кафе, видеозал, тренажерная или бильярдная. Среди состоятельной публики в ходу в это время был единый стандарт: богатый папик и при нем эскортная юная модель, а так, чтобы двадцатитрехлетний миллионер с не менее богатой юной дивой, – такое в салонном Питере было еще внове. И коготок у девушки увяз. Вечерний тусовочный контингент клуба-кафе «Биремы» процентов на семьдесят состоял из молодых женщин, и стоило там появиться обоим князькам, как девичьи головы тотчас обращались в их сторону. Причем, если Жорка вполне заслужил такое внимание своим веселым искрометным поведением, то Алекс обходился даже без этого: был внимательным, улыбочивым, доброжелательным, но и только, считал, что без серьезной причины он

будет выглядеть здесь как тюремный надзиратель, поэтому всегда в клубе делал вид, что кого-то конкретно разыскивает, и найдя, тут же удалялся с ним на пару-тройку минут в своем кабинете.

Зато сколько простора было вслед ему для сплетен и домыслов. Во-первых, и в главных, откуда взялся его весомый стартовый капитал? Простое папино наследство никого не удовлетворяло, говорили, что он подставное лицо некоего московского олигарха, уехавшего в Коста-Рику, или теневого наркобарона (даром, что ли, в «Биреме» «колеса» под строжайшим запретом), или это огромный иностранный грант, или общак московской ОПГ. Молва приписывала Копылову до десяти любовниц только в одной «Биреме», с упоминанием описывалось, как он победил и построил всех местных мафиози, как самое достоверное говорилось о его скором приобретении личного вертолета и океанской яхты, ну а конюшня с *арабскими скакунами* уже и сейчас есть, можно съездить на «Фазенду» и посмотреть. Еще выше взлетали его акции, когда к нему устремлялись тусующиеся в клубе природные мелкобриты и латиносы, и беглая речь Алекса на английском и испанском была малопонятна даже патентованным питерским полиглотам.

Разумеется, Сабина с первой же оказией отправилась на «Фазенду» посмотреть на арабских скакунов. Насколько они арабские, она не поняла, но седла и кепи для верховой езды свой эффект произвели.

После чего пошел уже штурм измором. Когда призывные взгляды и фривольные фразы не сработали, славной девице чуть ли не впервые в жизни пришлось придумывать иные способы обольщения «призового фрэнда». В ход пошли приглашения на другие, более светские тусовки как в Питере, так и за границей, придумана была пара вечеринок в собственной квартире Сабины, особая поездка на яхте друзей по Финскому заливу, – от всего этого Алекс как мог отбояривался. Редкие беседы тет-а-тет приобрели все более откровенный оттенок, касания голых частей рук, а во время танцев и вовсе почти полный тактильный контакт. «Ну что же тебе еще нужно, стеснюлькин?» – так и рвался наружу насущный вопрос. Однако как-то прямо свои романтические притязания она из упрямства не озвучивала, ждала его проискков. Все это порядком забавляло Алекса, он даже задумывался, а не решиться ли ему с ней на любовный подвиг, но уж слишком непредсказуемыми выглядели возможные последствия. Все эти дивы, воспитанные на голливудских фильмах с бойкими и языкастыми красотками, мнящими себя повелительницами мужчин, всегда внушали ему одно отвращение, больше нравились девушки спокойные и адекватные, с которыми можно обо всем договориться на берегу. И вот теперь в свете угроз для Веры приходилось как-то конкретно на это все реагировать.

Лара на занятие была приглашена намеренно, якобы чтобы ученице лучше было освоить синхронные движения: луч-

ше раз показать, чем объяснять, как надо двигаться. Лара, она же Скрипачка, в этом смысле была идеальна, могла вытворять с собственным телом что угодно. Как не показать зазнаистой девице, насколько та еще не комильфо! Наконец пробила шестидесятая минута занятия, и Алекс выключил музыкальный центр.

– После душа предлагаю откусать кофе в нашем кафе, подвести, так сказать, некие итоги, – сказал он, передавая Ларе пять тысяч деревянных ее роялти за урок.

– Какие итоги? – насторожилась Сабина.

– До сентября танцстудия закрывается.

– И что взамен?

– Вот и узнаем.

Даже по затылку выходящей за дверь Лары было видно, как она улыбается – с некоторых пор у нее был доступ к прослушке половины «Биремы», и можно было не сомневаться, что она этим не преминет воспользоваться.

Для разговора они уединились в банкетном зале, в котором несмотря на громкое название было всего десять посадочных мест. Когда официантка принесла им туда заказ, расстреляв обоих сверхлюбопытным взглядом, Копылов встал и закрыл дверь на защелку, повесив снаружи табличку «Не беспокоить»:

– Народ бывает чересчур доставучим, не так ли?

Сабина не ответила, боясь спугнуть важность происходящего.

– Мне кажется, что ты иногда очень удивляешься моему поведению, почему я не реагирую на тебя как должен был бы реагировать.

– Да, иногда было непонятно.

– Но ты бы хотела, чтобы я относился к тебе чуть иначе?

– Пару раз я даже думала, не голубой ли ты, – с улыбкой призналась она.

– Ты в курсе, что половина моих стрельцов – бывшие уголовники?

– Ну да.

– Я это к тому, что могу очень жестко реагировать на чье-либо предательство.

– Ты это к чему? – улыбка не сходила с ее лица.

– К тому, что хочу тебе выдать один мой жизненно важный секрет, который при любом раскладе огласке не подлежит.

– Совсем заинтриговал.

– Ну так мне можно рассказывать тебе этот секрет или нет?

– А это меня как-то касается?

– В первую очередь. – Алекс скосил глаз на свой мобильник, лежащий рядом с тарелкой, ожидая увидеть на нем послание от Стаса: «Не она». Послания не было, стало быть, *она*. В том, что капитан в этот момент слушает его, сомневаться не приходилось, так же как в том, что Стас знал, что он, Алекс, тотчас же примется «решать вопрос».

– Тогда обязательно.

– Ты слышала, кто такие мормоны?

– Слышала, типа мусульман, только среди христиан они.

– Так я типа этот самый мормон.

– Как это?

– Три года назад меня крестили в эту секту.

– Ну да!

– Сначала я думал, что это суперприкольно. И в общем-то так и есть. Но потом все так закрутилось, что назад у меня ходу уже не было. Убить, конечно, не убьют, но и «Бирему», и «Фазенду», и даже мою Треххатку придется вернуть. Но самое главное даже не это, а то, что я стану посмешищем и для окружающих, и для самого себя.

– А я тут при чем?

– А ты тут при том, что твоя роль моей *пятой жены* уже одобрена кем надо – и тебе решать: да или нет.

– Какой пятой? Что за бред?

– Ну все, тему закрыли. – Он отставил чашку и встал из-за стола. – Как я сказал, танцы до сентября закрыты. Конечно, ты можешь приходить в «Бирему» сколько хочешь, но старайся держаться от меня чуть подальше, иначе отцы-мормоны примут твоё поведение за косвенное согласие. И будет все не очень ладно.

Какой-то заключительной фразы ему, однако, явно не хватало. Выручил звонок мобильного, на котором обозначился незнакомый номер. Обычно он такие звонки скидывал, но

теперь решил ответить. Мимикой извинился, встал и отошел к окну.

«Это Копылов Александр Сергеевич?» – мужской голос звучал чуть испуганно.

– Он самый, – Алекс гадал, сколько звонившему лет. 25 или 30.

«Мы не могли бы с вами встретиться по очень важному делу».

– Хорошо, приходите ко мне на работу. Вы знаете, где я работаю?

«Знаю. Отель “Бирема”. Только мне нужна встреча на нейтральной территории. И чтобы вы пока никому не говорили об этой встрече».

– Квартира моего знакомого вас устроит?

«А это где?»

Алекс назвал адрес Хазина.

«Это рядом с вашей гостиницей? Может, лучше в каком-нибудь кафе?»

– Или так, или никак. – Разговор начал раздражать Копылова.

«Хорошо, я буду там минут через сорок. Вам удобно?»

– Удобно.

Сабина продолжала переваривать предыдущую информацию. Вдруг явилась и заключительная фраза:

– Помяни черта, и он тут как тут, – поговорка из сборника пословиц была не совсем к месту, но уж больно вкусно

звучала. – В общем, можешь ничего не говорить, но только тотальная секретность. Лады? – И он выскользнул за дверь.

Из дверей аппаратной выглянула хорошенькая головка Лары и два поднятых больших пальца – *Четвертая жена* была в полном восторге от его диалога.

Устранил ли он полностью угрозу для Веры – это вряд ли, но по крайней мере направил мысли и козни Банкирши в другом направлении.

Захватив в своем кабинете ключи от хазинской квартиры, он прошел по длинному коридору в соседний подъезд, оттуда во двор-колодец и другой подъезд. Четыре с половиной пролета лестницы – и перед ним железная дверь в коммуналку, где Жорка снимал две смежные комнаты в пятикомнатной квартире. К удивлению Копылова, Хазин был дома, и не один, напротив дивана в кресле сидела незнакомая поэтического вида девушка, а на журнальном столике стояла начатая бутылка вина, сыр и фрукты с конфетами – джентльменский набор охмурения. (У нас же, козлов, ну никакой фантазии.)

Выманив Жорку в коридор, Алекс объяснил ситуацию: «Извини, думал, ты в своем магазине». Через минуту Хазин с тарелками и девушкой, одарив друга свирепым взглядом, прошествовал на общую кухню, которая, к счастью, пустовала. Снимающие третью комнату две студентки были в отсуствии, еще один сосед-дед находился в больнице, а пятая комната уже год стояла запертой.

В парадной гостиной было накурено – поэтического вида девушка дымила как угольная котельная, – поэтому Алекс перебрался в менее представительную столовую, где находились холодильник и микроволновка, включил электрочайник и, найдя по телевизору передачу про животных, стал ждать. Гость, пожаловавший ровно на сороковой минуте,

представлял собой худого смазливового тридцатилетнего парня в ярком шарфе поверх фасонной ветровки. «Художник», – решил про себя Копылов.

– Это я вам звонил.

– Ну да, – согласился Алекс, проводя его по коридору в столовую. Жестом указал на малое офисное кресло, сам плюхнулся на узкий диван.

– Скажите, вы любите театр?

(Озадачил так озадачил.)

– Да как-то не очень.

– Почему?

– Классика скучновата, что-то современное – сплошное разгребание грязи. Я юноша нежный, стараюсь особого негатива к себе не подпускать.

– Но если негатив в разумных пределах?

– Хотите пригласить меня в театр?

– Хочу, – просто сказал Художник.

– Чай, кофе? – Алекс указал на чайник и упаковки с печеньем на столике.

– А пива не будет?

Пиво в холодильнике было. Себе отельер налил кваса.

Сделав из банки три глотка, гость принялся рассказывать более развернуто:

– У нас есть «Арткафе», что-то вроде театральной студии на шестьдесят зрителей. Все очень скромно, но и достойно в то же время. Артисты они ради своей профессии готовы

работать за самые символические копейки.

– Да, и что? – Алекс предположил, что сейчас у него попросят денег.

– Нам нужна ваша защита.

(Опаньки, как говорится.)

– Моя защита?

– Дело в том, что к нам повадились наведываться четыре неприятных... как бы это сказать... братка. Денег не требуют, просто ведут себя непотребно. Вторгаются, когда хотят, делают дорогой заказ и не платят, и вообще отваживают от нас публику, для которой мы ставим свои спектакли.

– И?..

– Мы знаем, у вас в этих кругах большой вес. И если бы вы могли их отвадить...

– А артистов-мужиков у вас сколько?

– Дело в том, что никто из наших не хочет связываться с этой публикой. Выбитый зуб или сломанный нос – это можно сделать крест на всей карьере.

– А мой сломанный нос – это нормально? – Алекс едва удержался от смеха. – Можно оформить прямой заказ в моем охранном агентстве.

– Там жуткие цены, мы узнавали. Поэтому я и спросил: любите ли вы театр. У нас после спектаклей обычно устраивается небольшой сабантуйчик, зрители считают своим долгом угостить актеров и всю труппу, часто это превращается в веселый капустник. Вы бы могли на нем иногда присутство-

вать, а деньги, которые вы заплатите за угощение, мы потом негласно вам вернем.

– Да, за харчи меня еще никто не нанимал, – с сокрушенным видом констатировал Копылов.

– Ради бога извините тогда за беспокойство. Мне сказали, что вы тоже вполне артистическая натура в вашем Танцклубе. – Гость встал, собираясь на выход. Алекс проводил его по коридору до входной двери. Напоследок спросил:

– А координаты у вас какие-то есть?

– Координаты? Да-да, есть. – Гость суетливо протянул свою визитную карточка с нужными реквизитами и узкий листок с месячным репертуаром «Арткафе».

Жорка, конечно, не удержался и, оставив на кухне свою пассию, проник с общего коридора в гостиную и все добросовестно подслушал, после чего еще и увязался за Алексом на лестничную площадку. Его просто распирало от восторга:

– Это слава. Дон Корлеоне, начало пути называется. Не хочешь сам, давай я туда ходить буду. Мне за харчи лик свой подставлять не жалко. Только сначала вдвоем сходить надо, чтобы ты меня им представил. Ты же пахан, а я так – шестерка.

На этом дневные приключения не закончились.

Вечером, когда они с Верой смотрели дома КВН, Вера в рекламную паузу, выключив звук, вдруг спросила:

– Скажи, ну так ты прочел тот роман Лакснесса, что я тебе советовала?

Он не сразу врубился, о чем речь, но поняв, от души расхохотался: вот откуда у него всплыл этот бред про мормонов.

– Конечно, прочитал, причем с большой практической пользой для себя.

– Я так и знала, что кроме мормонов ты больше ничего не поймешь. Я про героиню, которая мое второе я.

– Это которая на пароходе спит с тремя галичанами?

– Мне жаль, что ты заметил только это, – Вера обиженно надула губки.

– Еще я заметил, как она доверчива, проста и физически не принимает все плохое, что к ней может прилипнуть. Словом, «Возвращенный рай» – это поход из Рая в Мир и возвращение назад в Рай. Я правильно все понял? – он продолжал подхихикивать.

– А ты есть то плохое, что ко мне намертво прилипло.

– Они были счастливы и умерли в один день. Это про нас.

– А ну тебя! – сказала она, снова включая кавээновскую веселуху.

В «Арткафе» они отправились через два дня. Это была чистая рекогносцировка на местности, маловероятно было, что «разборка мафий» произойдет именно в этот день. Впрочем, «Глок» с разрешением на ношение оружия у Копылова были при себе. Жорка предложил идти с дамами (а как же без них в театр!). Уступая его легкомыслию, Алекс взял с собой Веру, Жорка – Еву. Так четверкой и ввалились в подвальныйчик, на вывеске которого ничего театрального не было. Зато из малого входного тамбура они тотчас же попали в настоящее логово Мельпомены с афишами, портретами актеров и фото медийных гостей. Тут же в фойе посетителей «Арткафе» разогревали два барда-гитариста.

У двери их встретила молодая билетерша, собрала по сто рублей и вручила красивые билетки. Издали их увидел Ивин, тот, что приходил в коммуналку, бросился пожимать парням руки, а дамам подавать вешалки для курток. Бомондного вида публика в фойе косилась на четверку боковым, оценочным зрением. Вера помимо нового длинного платья нацепила еще серебряное ожерелье с тремя милыми сапфирчиками (подарок Алекса на День варенья). Он боялся, что это будет выглядеть выпендрежем, но заметил две или три дамы в вечерних декольтированных платьях и вздохнул с облегчением. Слава богу, Ева тоже сменила свою дж-

инсу на строгий костюм и выглядела вполне комильфо. Они с Жоркой хоть и облачились в приличные замшевые пиджаки, но до своих принцесс им было далеко. В общем, чуть ли не впервые окружающие мадамы смотрели больше на их спутниц. Кроме бара-буфета в фойе работала и цветочная лавка, намекая на возможность или вручить, или отхлестать цветами актерский состав спектакля. И по три-пять цветочков покупали все, кто был с дамами.

Без десяти семь всех запустили в зрительный зал – продолговатое помещение, правда, без занавеса, но со сценой и театральными светильниками. Стулья, самые разнокалиберные, были произвольно составлены в ряды, стены украшала живопись и графика – хочешь смотри на сцену, хочешь на картины. Если бы не тяжело нависающий подвальный потолок, и вовсе было бы импозантно.

– А ничего, – скупно оценила Ева (она же Девушка Бонда, она же Трехмужняя, она же лейтенант ГРУ).

– Мне тоже очень нравится, – согласилась Вера. Благодаря своим пяти заказным детским книжкам с картинками, она считала себя вполне причастной к миру искусства.

Сам спектакль был о русских эмигрантах за границей, как им там нехорошо, да и о родине самые плохие воспоминания. Публика слушала внимательно, как бы примеривая это на себя. Сильно кривился только Алекс, ему, истинному ко-ста-риканскому эмигранту, вернее репатрианту, все это нытье было глубоко отвратно: вместо того чтобы радоваться но-

вым реалиям и обуздывать их под себя, зачем-то прикидываться жалким и ничтожным насекомым. К счастью, пьеса была одноактной. Финальные аплодисменты, впрочем, были весьма щедрыми и не меньше десяти букетов осчастливили употевших актеров.

Примерно треть публики двинулась на выход, остальные расходиться не спешили, предстояло якобы обсуждение спектакля с труппой.

– Вы останетесь? – к князькам пробрался Ивин.

– Конечно, – Алексу хотелось полностью уяснить всю ситуацию.

Пока ждали актеров, прямо в зрительном зале расставлены были несколько складных столиков, вокруг которых сгруппировались зрительские стулья. Две девушки засновали между столиками разнося пиво, графинчики с водкой, бокалы с вином и тарелки с крошечными бутербродами, сразу получая от клиентов денежки. Алекс тоже подал знак, и четыре бокала с красным вином опустились на их столик. Включилась легкая музыка, и, не дожидаясь приглашения, все принялись угощаться. Вот и актеры вышли. Их тут же принялись подзывать за тот или другой столик, предлагая горячительные напитки.

К столику князьков вновь приблизился Ивин.

– Это они, – указал он глазами в сторону.

В зал вошли четверо в кожаных куртках. Двое напоминали борцов греко-римской борьбы, двое были более сублиль-

ны, но именно они имели самый вызывающий вид.

– Ты не против? – один из субтильных выхватил бокал пива у парня в очках.

– Он не против, – сказал второй, забрав бокал красного вина у подруги парня.

– В чем дело? – не сразу врубился очкарик.

– Пошли отсюда, – потащила его за руку к выходу более сообразительная подруга.

На их стулья плюхнулись борцы, а субтильные подтащили еще два стула от других столиков и сняли с подноса проходящей мимо официантки три кружки с пивом. Ближние столики стали с опаской коситься на криминальную четверку.

Алекс вопросительно посмотрел на Жорку. Тот только хмыкнул: я сегодня в подтанцовке, солируй сам. Ага, солируй, а если его вылеченный правый кулак от удара в каменную челюсть захрустит сломанными костями? Значит бить только левой. Из дальнего конца зала призывно смотрел Ивин. Расчет был только на внезапность и мощь атаки, но как напасть без весомой мотивировки. На выручку пришла Вера. «Я на минутку удалюсь», – встала и двинулась к выходу в фойе. Ее путь лежал прямо рядом со столиком уркаганов. Предчувствуя удачу, Алекс встал и двинулся следом за ней. И как угадал: один из субтильных резко откинулся на спинку стула и затылком врезался Вере в бок.

– Эй, ты! А ну извинись давай! – строго приказал ему отельер.

– Чего-о!! – браток поднялся и грозно повернулся к Копылову. – Сопля малая!

Повод то, что надо! Левый хук с разворотом корпуса точно в подбородок – и три метра полета с сокрушением двух столиков. Братки почему-то вскакивали по очереди. Второй subtilный тут же получил в челюсть от подоспевшего Жорки и раскорякой рухнул на свой стул. Первому борцу достался от Алекса пинок ногой в живот. Второй скрючился от такого же пинка Жорки по причинному месту. Схватив своих спаринг-партнеров за волосы и пригнув их на уровень поясницы, Алекс потащил их в фойе, краем глаза оглядываясь на Хазина, тот тащил своего subtilного, заломив ему руку, второй борец, скрючившись, еще не мог оправиться от болевого шока. Из фойе они выволокли троицу в тамбур, потом на улицу и фейсами уложили на асфальт. В ответ князькам щедро неслись матерные угрозы.

– В ФСБ захотел? – Копылов выхватил «Глок» и тут же выстрелил совсем рядом с головой матерщинника. Все трое мигом замолчали.

В фойе они встретили второго борца. Тот был само миролюбие. Алекс жестом остановил его.

– Документы!

Борец безропотно достал паспорт.

– Никитин Павел Григорьевич, – вслух прочитал Алекс, – да ты даже не питерский! Выборгская шпана тут у нас вздумала куролесить. Улица Майская, 26–11. Будем знать, где те-

бя искать, если снова появишься здесь. С девушкой расплатись! – Он пальцем подозвал выглядывающую из театральных дверей официантку.

Борец достал из кармана несколько мятых тысячных купюр. Алекс передал их официантке:

– Сдачи не надо!

Разумеется, продолжать посиделки уже не имело смысла. При прощании в фойе с Ивиным Алекс протянул ему двести баксов:

– За причиненный материальный ущерб.

Тот попробовал отнекиваться.

– Тогда: за доставленное мне удовольствие. Давно я так хорошо не разминался.

Потом всей компанией весело двигались по темным улицам. Жорка время от времени настороженно оглядывался, ожидая контратаки. Но никто их не преследовал.

– Сами вы шпана питерская, – сердилась Ева. – А если бы ствол или нож? – Проницательно оглядывая князьков, она понимала, что дело не совсем чисто, но при Вере держала критику при себе.

– Тебе бы очень пошел траурный наряд, – выдал ей комплимент Алекс. – Сколько горевать будешь: десять дней или только девять?

Вера молчала. Лишь очень крепко сжимала его руку. Он сначала посчитал, что это просто от пережитого испуга, но заглянув ей в глаза, увидел в них нечто вроде восхищения.

Хотя какое может быть восхищение, если у него «Глок» подмышкой? А ведь она думает, что все из-за нее, с беспокойством догадался он – и что теперь? Говорить, что их специально для драки наняли, или ждать, когда об этом проболтается Жорка? Был еще третий путь: выбросить эту проблему из головы, что он с успехом и сделал.

Пару дней Банкирша в «Биреме» не появлялась, и Алекс более-менее успокоился.

С «Фазенды» позвонили: принимайте работу, барин. И они с Хазиным, побросав другие дела, мотнулись на дежурной машине с водителем в свой Мотель, как они еще ее иногда называли.

Бывший пионерлагерь встретил их изысканными фермерскими звуками: кукареканьем, гусиным гогогом, конским ржанием, коровьим мычанием и далее по списку. Все это входило в программу полноценного деревенского отдыха (извиняйте, если ваш слух и обоняние побеспокоили). Иногда к этому примешивался даже стук молота по наковальне – это Вакулин (он же кузнец Вакула) ковал очередной меч для ратоборских сражений. Последнее из них завершилось на фазендном приозерном лугу всего две недели назад, оставив после себя плохо заживающие раны на прежде идеальном газоне. В глаза бросались обнесенные камнями кострища, где тогда жарились свиные и овечьи туши, утопанные круги индивидуальных и групповых поединков, желтые квадраты от убранных шатров, палаток и шалашей.

– Давайте на кухню, там свежая уха как раз поспекает, – сказал им стоящий на воротах дед Гриша.

Отказаться от ухи, да еще с хлебом печной выпечки бы-

ло никак невозможно, с этим согласился и вышедший навстречу князькам управляющий «Буратино» Авдеев (он же Авдеич). Поэтому прошли на главную усадьбу, где на летнюю веранду им помимо ушицы принесли и графинчик запотевшей водки.

– Ну так работа еще не принята, чего ее замачивать? – для порядка возразил Алекс.

– За работу из граненых стаканов пить будем, а пока только по рюмке для ушицы, – рассудил Авдеич.

По рюмке так по рюмке. Маханули и за ложки. Действительно, язык проглотишь, а не уха. Но чай-кофе пить не стали, пошли принимать объект. Он представлял собой бассейн 5 × 10 в кирпично-стеклянном кожухе, где еще оставалось место для оранжереи с мандаринами, гранатами и инжиром. Пока оранжерея пустовала и носила следы не до конца законченной уборки. Зато остальное: сам бассейн, сауна, стойка пивбара – все в полной готовности. Более того, бассейн уже заполнен и хоть сильно отдавал хлоркой, так и манил своей несомненной девственностью. Хазин тут же присел на край проверить температуру воды.

– И эти штуки тоже работают? – указал на два генератора волн у торца емкости.

– Почему бы и нет? – Авдеев кивнул своему работнику, тот включил. Ровная поверхность воды у торца забурлила, и сильная рябь с брызгами пошла по всей глади.

Князьки вопросительно посмотрели друг на друга.

– Да? – хмыкнул Жорка.

– Да, – отозвался Копылов. – А плавки?

– Ну ты и зануда! – младший князек уже скидывал джинсы. Когда снял трусы, официантка с поварихой, выглядывавшие из дверей, мигом испарились. Алексу ничего не оставалось, как последовать его примеру. На приглашающий жест Авдеич с работником замахали руками: не, не, не, без нас давайте.

Идея с генераторами принадлежала Хазину и раньше казалась совершенным излишеством, но сейчас Алекс в полной мере оценил ее не только допустимость, но и необходимость. Какой смысл просто плескаться в маленьком бассейне, зато когда ты отчаянно гребешь и не можешь ни на сантиметр продвинуться вперед, это уже не купание, а мощное физическое упражнение. Так они и сражались с Хазой – каждый перед своим генератором, не желая отступать. И пять минут сражались, и десять, и пятнадцать. Поняв, что Жорка умрет, а не уступит, Алекс первым выбросил белый флаг, позволив волне отнести себя к противоположному торцу. Когда взялся за поручни, обнаружил, что руки его совсем не слушаются. Рядом таким же обессиленным выбрался на узорную плитку и дружбан. Улыбающийся Авдеич подал им полотенца:

– Похоже, вам придется вводить здесь на постоянно врача или хотя бы фельдшера, – совет прозвучал хорошей подначкой: две недели назад на Ратоборстве дежурили аж две «скорые» – увлеченные поединщики раздавали друг другу физи-

ческие травмы только так.

Кое-как придя в себя, они отправились делать круг почета по всему хозяйству: ферме тети Маруси (2 коровы, 3 свиньи, 6 овец, не говоря уже о птичнике), Мотелю на двадцать номеров, конюшне на двенадцать денников (пока лишь с 8 лошадьми), плодовому саду, розарию, брусовым домикам, спортплощадкам и приозерной лодочной станции (2 мотобайка, катер, 5 лодок, 4 байдарки), огороженной парковке, где дожидались переправки в «АвтоДом» два десятка иномарок. Наконец дошли до кузницы, где кузнец Вакула слезно попросил разрешения снизить цены на свои мечи и шестоперы.

– Не смей, – запретил ему Алекс. – Цени свою работу. Копи для выставки в «Биреме». Потом любые цены пойдут нарасхват. Первый раз вижу мастера, который хочет назад в подмастерья. Тебя что, плохо здесь кормят? Хорошо, вот тебе пятьсот тугриков за этот клевец: четыреста отдашь жене, на сто купишь французского коньяка.

Следом за кузнецом внимания к себе потребовали и возвращающиеся с рыбалки и конной прогулки постояльцы «Фазенды», кто с вопросами, кто с желанием просто с ними выпить. Спасаться можно было, лишь вскочив в седло (Жорка на своего Буцефала, Алекс на свою Муську) – и ходу по лесным дорожкам. Тут уже сама атмосфера располагала к дознанию с пристрастием по поводу очередного хазинского материала в «Светлобесе»: диалоге с Художником М о либе-

ралах и патриотах.

– Классное ты вчера залудил интервью, матрасники все будут в отпаде. Уволили из главных редакторов, потребуют убрать и из замов.

– Я знал, что тебе понравится.

– Кто такие Художник М и Игорь Кузнецов?

– Неужели трудно понять? – Жорка ухмыльнулся во всю свою физиомордию.

– Ну да, великий редактор Хазин в двух ликах: и за допросчика, и за ответчика. Просто на всякий случай спросил, вдруг ты еще какого красная нашел.

– Тебе что, уже вливание сделали? – посочувствовал другу младший князек.

– Пока на английский твою фигню не перевели, еще не сделали. Ева говорит, что лучше не переводить. А ты как?

– Будет жаль. Для матрасников и старался.

– Ну да, особенно когда утверждал, что русский – означает непобедимый, а Россия – это главный смотрящий за планетой. Кажется, все красно-коричневые остались в девяностых, а ты их зачем-то возрождаешь.

– Мне присылают по сто стихов в день. Из них я выбираю лучшее стихотворение недели, потом месяца. Должен же я от этого когда-то и сбеситься.

– Если тебя из «Светлобеса» уберут, его репутация совсем рухнет.

Жорка рассмеялся:

– А ты не убирай. Какие-то ЦРУ и МИ-6 могут тебе что-то приказать?

Спорить с разобиженным Хазой было бессмысленно, чуть подумав, Алекс спросил:

– Ты там перековеркал формулу: Русская география, Православие, Народность. С православием и народностью понятно, а что такое Русская география?

– Сам ведь рассказывал, как ехал на поезде из Владивостока в Москву и чувствовал себя трехметрового роста. То же самое и тут. Все леса, вся питьевая вода, все поля и луга у нас, не говоря уже о таблице Менделеева. Это и есть та национальная идея, которую все ищут и найти не могут. Стоять насмерть за свою Географию и впускать к себе оглоедов строго дозированно, и чтобы все обязательно обрусели.

– Но все равно впускать, – усмехнулся Алекс.

– А без этого никак. Я хотел об этом сказать в интервью, но все же не рискнул. Коль скоро русские обречены на конечное вымирание, надо сделать все, чтобы суметь передать свой культурный код будущим сибирским черненьким и желтеньким. Где-то читал, что кроманьонцы пришли из Африки и были совсем черными и начали истреблять светлокожих неандертальцев. А потом каким-то непонятным образом тоже стали все белые. Я думаю, у России через сто лет будет такой же расклад.

Копылов и сам горазд был на масштабные умственные завихрения, но до черных кроманьонцев ему было далеко. Ми-

нуты три они ехали молча, потом старшего князька прорвало:

– Всегда не мог терпеть придурков, которые не могут главное отличить от второстепенного! Быстро домой и дописывай Post Scriptum про этот культурный код.

– А совсем глупо не будет выглядеть? – неуверенно произнес Жорка.

– Может, и будет, но твое дело застолбить участок, чтобы был зафиксирован момент на компьютере, когда именно ты это ляпнул. Пора научиться относиться к самим себе не как к сопливым пацанам, а как к мощным личностям. В тридцать лет начнем во всем осторожничать, а в двадцать три еще можно и похулиганить. Не знаю как ты, а я себя продолжаю ощущать организмом не сложившимся, а продолжающим расти, а значит, мне все можно. Кстати, твоего «Светлобеса» тоже надо выводить на бумажный носитель.

– Мы и так его выводим.

– Ну да, и где эти бумажные носители? Кучей свалены в картонные коробки. Цифровой носитель сегодня есть – завтра нет. Надо аккуратно распечатывать в трех экземплярах и хранить в разных местах. Один отдашь мне, у меня точно не пропадет.

И пришпорив коней, они перешли с трусцы на легкий галоп.

По дороге назад, когда уже въезжали в город, Алексу на мобильник позвонила Вера (по давнишней договоренности она звонила лишь в пиковых ситуациях):

«Ты скоро? У нас в гостях одна девушка, тебя дожидается».

Неужели Сабина, разозлился он, но, кажется, голос у Веры к тревоге не располагал.

Когда входил в подъезд, мелькнула мысль заглянуть к Стасу, послушать, что происходит в его Треххатке, но он тут же ее забраковал: еще чего – опасаться каких-то бабских разборок! Дверь открыл своим ключом, через распахнутые в гостиную створки увидел их обоих, мирно беседующих под чай с шарлоткой.

Гостья, вставшая с дивана, представляла собой тоненькое шестнадцатилетнее создание в нарядном пиджачке.

– Здравствуйте. Я Анна Грибаева. А вы Александр Копылов.

Алекс чуть напрягся, стараясь вспомнить, откуда знает ее фамилию.

– Здравствуйте. Я сейчас, только руки помою. – Он влез в тапочки и прошел в ванную. Там все вспомнил и напрягся еще сильнее. Выйдя из ванной, прошел сначала в кабинет и нашел глушилку – Стасу не обязательно знать, о чем пойдет

этот разговор.

– Не буду вам мешать, – Вера тактично проскользнула мимо него из гостиной. Но таиться от своей гражданской благоверной он вдруг не захотел, поэтому притворил лишь одну створку стеклянных дверей.

– Просто я хотела узнать про своего папу, – объяснила девушка, глядя на него чуть болезненным взглядом.

– Что именно про папу?

– Как он погиб? Мне сказали, что вы знаете.

– Кто сказал?

– Бывший начальник моего папы.

– Что именно он сказал? – Копылов был сама настороженность.

– Он просто сказал, что вы это можете знать. Больше ничего.

– Вы специально в Питер приехали за этим?

– Я здесь по турпутевке на три дня, чтобы было где ночевать, – Анна продолжала смотреть на него с требовательным ожиданием.

Для нее я только свидетель, понял он. Это принесло некоторое облегчение.

– А как его нашли?

– Уже в морге без всяких документов с пулевыми ранениями. Вместе с Андреем Смыгой, его напарником, у него тоже не было при себе документов.

– А вы знаете, чем именно они с этим Смыгой занима-

лись?

– Да, им поручили проследить за одним уголовником. Их начальник думает, что они попали в засаду, и этот уголовник их убил.

– То есть вы не знаете, что именно произошло, они пошли на задание, а потом их нашли в морге, – подытожил Копылов. – А я якобы что-то видел или как?

– Не знаю, мне просто сказали, что вы можете знать.

То, что Вера могла все это слышать, побудило его не выкручиваться, а пойти ва-банк. Впрочем, и глушилку для Стаса он тоже не включил – пусть тоже послушает.

– Боюсь, то, что я знаю, вам не очень понравится.

– Говорите, мне нужно знать.

– Знаю, что они со Смыгой не просто за кем-то следили, а взяли в заложники девушку этого уголовника и хотели, чтобы он им сдался. Но он явился на встречу не один, а с подельником, и они двое на двое устроили перестрелку, ваш отец со Смыгой были убиты, а оба уголовника лишь ранены, но девушка не пострадала и была освобождена.

– Вы это видели своими глазами?

– Нет. Разговаривал с подельником этого уголовника на какой-то пьянке и с уверенностью не могу сказать, насколько все достоверно.

– А этот подельник?..

– Он сейчас сидит за другое преступление, и против него я свидетельствовать не буду. И называть его тоже. Тот, кто

знает первого уголовного, легко может сам выйти на его подельника. Кстати, вам не говорили имя, за кем следили?

– Нет, не говорили. А вы его не знаете?

– Когда мне это рассказывали, я принял это за обычные уголовные рассказы, и мне незачем было узнавать какие-то имена.

Анна молчала, осмысливая сказанное.

– Это все, что вы знаете?

– Ну да.

– Спасибо. Теперь буду знать. – Гостья встала, собираясь уходить.

В прихожей в ее руках оказалась маленькая мыльница:

– А можно я вас сфотографирую?

– Нет, лучше не надо. Я же сказал, что не хочу участвовать в каких-либо расследованиях и свидетельствах.

– До свидания, – неприязненно произнесла она и вышла за дверь.

Обернувшись, он натолкнулся на суровый взгляд Веры.

– Что это было? Почему ты так с ней?

– Что знал, то и сказал, – ответил он. Между ними давно была договоренность, что в его криминальные дела она не вникает, так что «давай не будем».

Выйдя на кухню, выходящую окнами во двор, Алекс наблюдал, как Анна вышла из подъезда и зашагала в сторону метро. Ее никто не сопровождал. Вера тихо подошла сзади и тоже смотрела на уходящую гостью.

– Совсем забыл, у меня для тебя классная уха, – вспомнил он. Сумка с контейнером, захваченным с «Фазенды», так и осталась стоять в прихожей.

Пройдя на кухню, они разогрели уху и поужинали.

– Да, классная уха, – согласилась Вера. Полчаса с ухода гости прошли в полном игнорировании происшествия, но тем сильнее росло напряжение. И уже когда допивали чай, любимую ханум все же прорвало:

– А подельником того уголовника был Жора Хазин? – Это был даже не вопрос, а уверенное утверждение.

С минуту он держал мхатовскую паузу, а потом решил: а пошло оно все к черту!

– Нет, Жорки там не было. Я был один.

– Это тогда, когда я тебя в своем поезде в первый раз увидела? С раной в боку?

– Ну да.

– Девушка тоже была? А теперь она где?

– Почему я знаю? То есть знаю, что жива и здорова и даже замужем уже, ну и все.

– А чего так не романтично?

– Ну ты же инженер человеческих душ, сама догадайся.

– Не догадалась, сам скажи.

– Девушка, из-за которой два трупа, внушила мне зоологическое неприятие.

– Ну и как?.. – Она не могла подобрать нужного слова.

– Мироощущение осталось незамутненным. Я бы и опять

это сделал.

Вера составила посуду в посудомойку, и они прошли в гостиную, по заведенному порядку предполагался по видуку просмотр качественного фильма. Но когда он веером развернул перед ней три диска с фильмами, она покачала головой.

– Хочу сегодня лучше почитать.

Так они и рассредоточились: Вера в спальне в кресле под торшером с книгой, он в кабинете с англо-русским словарем, который всегда читал как увлекательный роман.

Через час услышал, как она прошла в ванную умыться, и изготовился последовать туда после нее. Душ и чистка зубов не заняли много времени. Зато придумал подходящую фразу на случай, если в интиме ему будет отказано. Но отказано не было – это была одна из самых роскошных черт Веры: какая бы размолвка между ними не происходила, ее губы всегда были готовы к ответному поцелую – ведь темно же, а ссора происходила *когда-то давно* и при свете. И все же без продолжения остросюжетного разговора не обошлось.

– Всегда думала, что ты о своих уголовных делах сильно привираешь.

– А чего ты решила, что сейчас я тоже не привираю?

– За три года как-то научилась в этом разбираться. Скажи, а после тебе не приходило желание еще кого-то...

– Ты это как моя супружница спрашиваешь или как писательша для своих литературных опусов?

– Ну не шути, скажи серьезно, – попросила она.

– Желание, может, и было, но охоты никакой. Просто любое другое после этого первого раза выглядело бы... мелко-травчато, – он подобрал как будто нужное слово.

– А что же такого особенного было в первый раз?

– Представляешь, я, чтобы подобраться к ним на этом пустыре, купил велосипед, разноцветную ветровку и красную бейсболку. Ехал мимо вроде постороннего лоха. Они действительно меня не узнали и подпустили совсем близко, но я не учел, что мчаться по колдобинам и стрелять не самое ловкое дело. Поэтому все было достаточно по-дурацки. Но не это главное. Главное, что я просто почувствовал, что способен на такое. Что могу абсолютно все на свете, что мне все по плечу. Поэтому и нужда в чем-то похожем для меня навсегда отпала, зачем в чем-то утверждаться, ведь я и так в этом утвердился.

– А если все откроется и тебя посадят?

– Ну, отсижу пять – десять лет и выйду, делов-то?

– А Хазин или Николай Григорьич знают?

– Знают, что у меня была какая-то разборка с пистолетами в Москве, но без подробностей. Главное преимущество жизни в России – это ее вольность. Всем по большому счету наплевать на закон: если ты что-то делаешь по справедливости, ну и ладно – делай. А если еще и удача на твоей стороне, то и совсем супер.

– Хороша удача: сам пулю в бок получил.

– Издержки бандитской профессии. – Он совсем весело

чмокнул ее в щеку. Отсутствие заполошного бабского нытья было вторым великим достоинством Веры.

Ночью ему приснилось, как его вызвал вниз на второй этаж Стас и ну давай ругать за разговор с Верой, мол, догадываться и пугаться – одно, а знать наверняка – другое.

«Ну капает с моих рук человеческая кровь, – оправдывался он. – Она как-то сказала, что в восемнадцать лет сделала аборт, значит с ее рук тоже кровь капает. Два убийцы – семейный подряд».

Насчет наводчика Анны Грибаевой сомневаться не приходилось – это мог быть только Лавочкин Сергей Тарасович, шеф службы безопасности холдинга «Элис», что в конце девяностых усиленно гонялся за майором Зацепиным (он же «дядя Альберто»), который вывез в 92 году Алекса из Коста-Рики в Москву.

В шесть утра, пока у Веры был самый сон, он выбрался из кровати, захватил ее мобильник и выйдя в лоджию гостиной набрал два из трех московских телефонов «дяди Альберто». Домашний телефон промолчал, а мобильный тут же весело откликнулся:

«Здравствуй, Верочка».

– Это не совсем Верочка, – по-испански поправил Петра Иваныча Алекс. – У вас там все в порядке? А то у меня тут странные визиты.

«Продолжай», – перешел на испанский и Зацепин.

Алекс коротко рассказал про визит дочери Грибаева.

«Мне тут *наш* знакомый тоже письмо прислал. Похоже, на нас объявлена большая охота. Так и написал: “Вы будете убиты медленно”. Слово “медленно” – жирный намек, что расправа в первую очередь будет с нашими близкими людьми. В общем, я свою Зою уже запрятал в надежное место, советую тебе Веру тоже запрятать. Только не в ее Твери и не в “Фа-

зенде”, а где-нибудь понадежней. И сразу потом ко мне».

– А когда ты собирался мне об этом рассказать?

«Сегодня и собирался. Ты на два часа опередил. Третьих лиц желательно в это дело не посвящать, сам знаешь, почему».

Конечно, Копылов знал «почему». Сразу после возвращения в 92 году на любимую родину Зацепин вошел в тайную организацию «Верность присяге», которая по-тихому расправлялась с высокими чинами, причастными к развалу страны. Естественно, «чины» вовсе не были овечками на заклание, отстрел шел в обе стороны, и в 99 году «Верность» была «Элисом» полностью разгромлена. Зацепина выручила новая заграничная операция с кубинскими партнерами, которые требовали контактов только с «дядей Альберто», а Алекса спас срочный перевод в питерский Инкубатор ГРУ под чужой фамилией. Позже выяснилось, что за эти упущения господина Лавочкина из «Элиса» с волчьим билетом уволили, и он больше нигде в Москве не всплывал. Три года о нем не было ни слуха ни духа, и вот что-то такое снова зашевелилось.

Пять минут на размышления – и план операции по перемещению Веры был готов.

За завтраком, включив в кармане халата глушилку, он сказал:

– Как насчет того, чтобы взять отпуск и поехать на мою малую родину?

– Это в Коста-Рику, что ли? – удивилась она.

– Есть еще одна, на Владимирщине.

– Мы же хотели в октябре в Париж.

– Одно другому не мешает: и сейчас, и в октябре.

– Мне два раза по две недели не дадут. Это что, из-за этой

Ани?

– Наполовину из-за Ани, наполовину из-за бабушки Дуси, которую я, сволочь такая, совсем позабыл. Сколько раз мы с тобой собирались, сейчас самое то.

– Когда? Прямо сегодня? В библиотеке так быстро все не решается.

– Мне тоже надо пару дней, а то я совсем свой бизнес забыл. Сделаем так: сегодня и завтра пошлю стрельца посторожить возле твоей библиотеки.

– Боюсь, мои дамы твоего охранника не очень заценят.

– Он не будет вылезать из машины. Никто не увидит.

Единственная просьба: из библиотеки сразу домой.

К десяти часам Алекс сам проводил свою красотулю в ее библиотечное присутствие и дождался, когда на «Ладе»-семерке приедет один из «стрельцов» агентства, имеющий разрешение на ношение оружия.

Когда уже входил в метро, позвонила возмущенная Ева:

«Ты что, забыл, сегодня юбилей у Софочки? Все ждут только тебя».

Пришлось срочно искать шикарный букет. На пятьдесят роз его здоровья и финансов не хватило, но девять штук он

вполне осилил.

Софочка была тем главным лицом, которое три года назад помогло ему справиться с отельерством. Держала горничных и буфетчицу на коротком поводке, ну а то, что она всякими хозяйственными манипуляциями выгадывала себе вторую зарплату, на это он до сих пор предпочитал закрывать глаза.

Маленький междусобойчик в банкетном зальчике назначили на двенадцать дня с тем, чтобы никоим образом не пересекаться ни с клубом, ни с «Лэнгвидж Скул» (чтобы только для совсем своих). Но Жорка с гитарой и Лара со скрипкой присутствовали, что означало не только тосты с обширной закуской, но и живые музыкальные поздравлялки. На правах босса Алекс высказал прочувствованный спич, сопроводив его толстым конвертом, потом выслушал еще два восхваления юбилярки и засобирился на выход.

Следом за ним направились и Лара.

– Там тебя *пятая жена* поджидает, – сказала она в затылок отельеру.

Алекс даже не сразу сообразил, что еще за *пятая жена*.

Сабина сидела с гламурным журналом на ресепшене на наблюдательной точке, откуда виден был вход в «Лэнгвидж Скул», в административный блок и кафе. Встала наперехват с самым боевым задором. Отступать было не в его правилах, он сам жестом указал ей на столик на наружной веранде «Биремы», где по случаю резкого ветра не было ни одного посе-

тителя. Ну что ж, сели и строго посмотрели друг на друга.

– Два дня только о твоей глупости и думаю. – Вид у нее был не презрительно-высокомерный, а просто нетерпеливый и сердитый. – Хочу доиграть ее до конца. Решила посмотреть, как ты будешь выкручиваться. У кого не спрашиваю, никто про мормонов толком не знает, даже по интернету одна ахиня. В общем, я согласилась – что дальше?

– Дальше инициация. – Алекс едва удерживался от улыбки.

– Какой-то экзамен, что ли?

– Он состоит из нескольких этапов, но ты вряд ли пройдешь даже первый.

– Говори давай!

– Первый этап денежный.

– Кто кому? Да чего я? Конечно я – тебе. Приданое, что ли?

– Просто страховой взнос. В случае отказа ты его потеряешь и все.

– И сколько?

– Двадцать тысяч тугриков, по пять тысяч на каждую жену.

– А им за что?

– За понесенный моральный урон. Им очень сильно надо настроиться, чтобы принять тебя к себе, а потом ты взбрыкнешь – и это разобьет им сердце.

– Мой папа без проверки такие деньги никогда не выдаст.

– Я же сказал, что ты это не пройдешь, – Алекс был само сожаление.

– Хорошо, а дальше что? Ну если я баксы найду?

– Потом обряд посвящения, твое крещение в нашу секту и тайная свадьба.

– А что-нибудь кроме твоих слов увидеть можно? Самих жен, например. Я ничего спрашивать у них не буду, просто хочу хоть на одну посмотреть. Например, на твою стационарную подругу, с которой ты живешь и от всех прячешь.

Вместо ответа он сделал жест руками, мол, никак невозможно.

– Ну хорошо. А оргии у вас бывают?

– Если ты захочешь, то будут. Пока я сам слишком стеснительный для этого.

– И что, ты такой замечательный Казанова, что тебя на всех их хватает?

– Они не наложницы, а жены, тут немного другая арифметика.

– И какая же?

– Жить без дешевой похабухи и вне привычных любовных трафаретов, а самое главное – не доставать друг друга. Мы все дико ненавидим театральные разрывы отношений, поэтому их у нас и нет. Представляешь, у нас даже есть список слов, которые нельзя говорить друг другу ни при каких обстоятельствах. Я думаю, ты даже не знаешь, что такое может быть: как это, я такая замечательная и в истерике не могу

кричать, что мне хочется? А вот надо эти слова и не кричать.

– Ты это все серьезно? – Банкирша все еще допускала розыгрыш с его стороны.

Своевременное появление на крыльце Лары избавило Алекса от необходимости продолжать занудную беседу. Мол, в приемной его дожидаются два важных посетителя.

– Если хочешь, продолжим этот разговор в сентябре, – сказал он Сабине, вставая.

Посетителями была замечательная семейная пара, закававшая в «Буратино» строительство дорогого коттеджа.

– Авдеич сказал, что вы хотели с нами переговорить, – объяснил их визит муж.

Сначала Копылов порасспросил, какова их полная семья и какие у них виды на будущий коттедж, и только после этого спросил:

– А не снизить ли вам объем вашей виллы с 300 квадратов до 140?

– То есть как?

– У нас уже было строительство четырехэтажной домины, теперь его хозяева второй год живут в трех комнатах первого этажа, совсем не заходя в комнаты на других этажах. Это замечательно, что у вас есть ребенок и вы хотите еще детей, мечтаете привезти деревенских родителей и создать настоящее родовое гнездо. Да, будет две кухни и два отдельных входа. Да, всем сейчас нравится эта идея большой усадьбы. А где гарантия, что невестку не будет через пару лет безумно

бесить один вид свекрови, а дети, став студентами, вряд ли больше одного раза пригласят сюда своих сокурсников. И всё говорит за то, что они вообще подадутся на учебу и жизнь в Европу-Америку. И какой смысл вообще держать полный дом прислуги, которая будет знать все ваши тайны? Ну, сторожа, ну, горничную. Да, понятно, что вы полжизни прожили в квартире с родителями в смежных комнатах. А давайте будем строить ваш дом в два этапа: сначала 140 квадратов, а потом, если понадобится, еще 160.

– Разве вам не выгодней забомбить сразу 300 квадратов? – удивилась жена.

– Питер маленький город, поэтому я хочу в нем встречаться с вами не в качестве рвача-подрядчика, а в качестве нормального делового партнера, да и вы сами сделаете мне потом самую лучшую сарафанную рекламу.

– Дайте нам пару дней на подумать, – почти сдался муж.

За два месяца это был уже третий подобный разговор, результатом которого было значительное сокращение строительных смет, и Алекс почти не сомневался, что и сейчас будет то же самое. (Приятно было, черт возьми, ограждать людей от явных глупостей.)

После семейной пары к нему в кабинет пожаловал Дунин, навязанный матрасниками главный редактор «Светлобеса» (Жорку отстоять никак не получилось, убрали в замы по литературе и искусству). Как и положено либеральному типу, Дунин ненавидел все суконно-русопятое, и свет

для него начинался только на Потомаке. Единственным его слабым местом было плохое знание английского, чем Жорка от души пользовался: переводил инглиш так, что акценты в текстах выходили прямо противоположными изначально задуманным. Сейчас у Льва Палыча (больше известного как Крючок за свою сутулость) была капитальная предьява к Жорке:

– Ну сам посмотри, куда это годится, – шлепнул он на стол распечатку с небольшой заметкой Хазина. В ней говорилось, что американские негры вместо великих обид к американским плантаторам должны предьявлять счет африканским царькам и вождям, которые их предков продавали американцам. А не купили бы – так просто убили.

– Мы же это еще на английский переводим. Ты что хочешь, чтобы нас нормальные люди вообще здесь похоронили?

Действительно, это было явным перебором, и Алекс дал добро на отлуп заметки.

– А этот его Post Scriptum? – продолжал нудеть Дунин. – Что это еще за Русская география? Какие черные кромаьонцы! Какой русский код?

Но тут Алекс был непоколебим:

– Это ваша, Лев Палыч, чистая вкусовщина, ну считаете вы, что русский человек – это всегда человек припадочный, ну и продолжайте считать. А для Жорки русский – это венец творения. За это мы тут вас и держим с полярными точками

зрения. Вы не жалуйтесь, а свой письменный ответ залудите. Посмотрим, кто больше лайков получит.

Они еще минут пять препирались между собой, но продолжение хазинского интервью Алекс отстоял. Дунин исходил желчью, но все же уступил, памятуя, как в один из споров с Копыловым Алекс просто вытащил свой любимый «Глок» и выстрелил поверху головы редактора, чуть опалив тому прическу.

Следом за Крючком в кабинет пожаловала Ева Заславская требовать двадцать пять тысяч тугриков на полную закупку постельного белья для всего их разросшегося гостиничного комплекса, включая «Фазенду». Для Алекса незапланированные расходы с некоторых пор были нож острый – сколько бы дохода ни приходило, расход вот уже как год получался выше, и последние двести тысяч тугриков в банке продолжали тихо таять.

– Давай не полную, а частичную, – взмолился он. – Ты же лучше всех знаешь наши шкурные дела.

– Еще я знаю, ты продолжаешь выдавать ссуды своим уголовникам на покупку квартир, хотя мы договаривались: ты это прекратишь.

– Ну так святое дело – уголовников в честных ипотечников превращать.

– Они тебя когда-нибудь и пришьют, чтобы деньги не отдавать.

– Ты же знаешь: пополнять ряды кровных врагов – мое

любимое занятие.

– Девушкам бы лучше помог.

– Еще чего, девушкам?! Лишать их женской охоты на богатых мужиков – да ни за что на свете!

В общем, Ева тоже выкатилась из кабинета в порядочном гневе. «Следующего просто убью», – думал он, глядя на дверь. Но следующей была Лара с ее волшебным:

– Побаловаться не хочешь?

Это когда он не хотел побаловаться? Да не было такого!

– Только где? (В «Биреме» они этим почти не занимались.)

– А сауна на что?

Сегодня была среда, помывочный день персонала «Биремы», а персонал продолжает застолье у Софочки. Почему бы и нет.

Словом, рабочий день закончился забористым паром, замечательным интимом, холодной купелью и отличным массажем, в котором Лара была настоящей мастерицей.

Разумеется, по возвращении домой о сауне было произнесено лишь вскользь: ну помылся и помылся, Вера на такие мелочи уже давно не фиксировалась, тем более сейчас, когда голова была полностью занята подарками для бабушки Дуси и своим новым книжным заказом о землепроходцах Ерофея Хабарова.

Увы, уехать на Владимирщину дня через два, как они рассчитывали, не получилось. Помимо текущих отельных дел у Алекса случился грозный приезд из Хельсинки куратора Маккоя, проходящего у князьков под прозвищем Лупастика (понятно за что). Алекс, когда узнал о визите, подумал, что предстоит серьезная разборка по «Светлобесу» с требованием окончательно убрать из газеты Жорку, но нет, об этом вообще не было сказано ни слова. Все ограничилось часовой встречей в одном из ресторанов на Невском, где Маккой представил Копылову Бориса Максимовича Демко, хозяина московского ночного клуба «Арго». Мол, он хочет вникнуть во все тонкости работы клуба «Биремы» для полезного обмена опытом.

– Три тысячи баксов – и все мои ноу-хау вот они, – не моргнув глазом ответил Алекс.

Лупастик открыл было рот для одергивания ретивого молодчика, но Демко лишь рассмеялся и остановил его жестом.

– Цена вполне приемлемая, если то, что я слышал о «Биреме», правда.

После обеда хельсинкский эмиссар отправился в Эрмитаж, предоставив двум клубным деятелям контактировать самим по себе. Они и контактировали, два дня тусовались в «Биреме», а на третий проехали на «Фазенду», мол,

это тоже продолжение клубной деятельности. Демко въедливо вникал во все во что можно: жилой блок мелкобритов, второй этаж отеля со сменяемыми выставками молодых художников, подвальный танцпол, метательный тир и фитнес-зал, побывал на заседании киноклуба, заглянул в редакцию «Светлобеса», оценил вечернюю тусовку с бардами, футболом по плазме, бильярдом, самоварным чаем и пивом, изучил дневной и вечерний ценник кафе. Особо обратил внимание на охранников «Биремы»: все ли гости в полночь мирно расходятся по домам, и неужели вы даже развозите членов клуба по адресам.

Хотя эти похвалы выглядели достаточно искренне, Алекс чувствовал некоторую неловкость – впервые он устраивал подобный показ, который самого его совсем не обрадовал, все отдавало какой-то местечковой самодеятельностью: в малый объем напихали много того, что требовало гораздо большего простора. Резко бросилось в глаза и их фирменное биремское панибратство, когда все знали всех и беспрестанно друг друга подначивали. Вздохнул с облегчением, когда эти московские смотрины закончились. При расставании Демко взял реквизиты его банковского счета и на него, к немалому удивлению отельера, на следующий день в самом деле поступили три тысячи баксов.

Побочным результатом визита столичного гостя стало бурное волнение персонала отель-клуба:

– Вы что, босс, захотели продать «Бирему»?

– Ну да, захотел, и что? – легкомысленно подлил он бензинчика в огонь.

И не успел после провода Демко добраться с Московского вокзала до дома, как в Треххатку пожаловала целая делегация из шести юных дев с водилой микроавтобуса уговорить его отказаться от этой затеи. Алекс ничего другого не придумал, как приобнял свою писательшу и, не смущаясь присутствием среди прочих *трех жен*, провозгласил:

– Клянусь жизнью самого моего дорогого человека, что никакой продажи нет и никогда не будет. Ну куда я без всех вас!

Для Алекса это была еще одна загадка русского языка: когда говоришь «мамой клянусь» – это вызывает лишь веселый смех, а когда любимой девушкой, то это уже как самая священная клятва. В общем, народ услышал, успокоился, откушал чаю-кофе с коньяком-ликером и с чувством уверенности в завтрашнем дне убыл восвояси.

Вера пришествием делегации была порядком сражена:

– Да они все любят тебя, оказывается.

– Ну, а почему им меня не любить, если я регулярно повышаю им зарплату, – отшучивался он. – Я думаю, им просто важен был повод побывать в нашей квартире и увидеть тебя в домашней обстановке.

– Я об этом тоже чуть-чуть подумала. И как, думаешь, они оценили?

– Супердизайна не обнаружили. Стало быть, я по-прежнему

му для них миллионер без лимузина и швейцарских часов.

– А я?

– А ты – творческая личность, для которой *дольче вита* на третьем месте.

– Ты тоже так думаешь? – тут же зацепилась она.

– Я же тебе говорил: этикетки на людей не вешаю. Их неожиданные взбрыкивания для меня гораздо приятней. Поэтому никто меня никогда не может обмануть: действуете вы – действую я. И горе проигравшему. (Прозвучало целым манифестом, однако.)

Официально штатный водитель «Биремы» Сенюков, их вез на своей «шкоде» в Тверь в двухнедельный отпуск (ну захотелось боссу к будущей теще на блины), связь из отеля-клуба держать только через Еву, на остальные звонки главный князек отвечать просто не будет (отдыхать так отдыхать).

Жорка и Лара свое отключение от прямой телефонной линии восприняли в штыки.

– Уж не собираются ли тебя нелегалом заслать в Коста-Рику? – гадал Хазин.

– Или втихаря решили свадьбу устроить, без нас недостойных, – вторила ему Лара.

– Да нет, просто командировка в Москву в качестве киллера, – дразнил их Алекс.

– За это провожать тебя не будем, – пригрозил младший князек.

– А если провожать не будем, то спокойной дороги тебе не будет, – не отставала от него Скрипачка.

И накаркала! Не успела «шкода» вырुлить на московскую трассу, как позвонил Стас:

«Далеко отъехал? Твою квартиру сейчас грабят. Я уже в засаде. Можешь и ты подъехать».

Ничего не оставалось, как подчиниться «пожеланию»

старшего товарища.

– Разворачивайся, едем назад в Треххатку. Кое-что забыл, – сказал он Сеньюкову.

Тот удивленно глянул и молча стал тут же разворачиваться. Зато вопросы посыпались из Веры:

– Что случилось? Что ты забыл? Может, без этого обойдемся? Мы совсем не едем уже или как?

– Твое любопытство не совпадает с моими возможностями что-то ответить, бо ничего не знаю. (Он сам не знал, где подцепил это «бо», но оно ему сильно нравилось.)

Через сорок минут они уже подъезжали к Треххатке. На переходной лоджии восьмого этажа бывший гопник Родя делал знак им с Сеньюковым подниматься наверх.

– Сиди в машине пока, – сказал Алекс Вере.

– Да что случилось?! – она готова была не подчиниться. Однако его строгий взгляд заставил ее живо подобрать с асфальта ноги и захлопнуть дверцу.

В лифте они с Сеньюковым поехали на девятый этаж, от туда уже спустились по лестнице на восьмой. Возле лифта кроме Стаса и Роди был еще зам Стаса в «Стрельце» по фамилии Бобров (тоже креатура Инкубатора). У Стаса и Бобра при себе были боевые «Макарычи», у Роди – «Макарыч»-травматика.

– Ждем их выхода или врываемся? – вопрос капитана относился к Алексу.

– А сколько их там? – так же шепотом уточнил отельер.

Стас показал два пальца. Копылов тоже ответил жестом: ну конечно, врываемся.

– А броник на тебе? – Родя, как всегда, хотел быть самым предусмотрительным.

«Неужели люди Лавочкина», – ёкнуло у Алекса.

Стас, державший у уха мобильник-прослушку, поднял палец:

– Выходят.

Повинуясь знакам капитана, вся пятерка рассредоточилась: Алекс с Сенюковым укрылись в нише мусоропровода, Родя упал на пол, изображая пьяного, Бобр тянул его, причитая, вверх, стараясь поднять, а Стас вмялся в стену возле дверей, ведущих в квартирный коридор. Щелкнула защелка, большая створка дверей открылась, но и только, выходящий остановился в дверях, оценивая обстановку с двумя «пьянтосами». На это ему дали секунды полторы, никак не больше. Левая рука капитана скользнула сверху за створку и мощным толчком по затылку послала «клиента» в сторону лифтов в распоряжение Роди и Бобра. Сам же он метнулся в коридор за вторым субчиком. Алекс, отпихнув сцепившихся Бобра и воришку в сторону, бросился следом за капитаном. Но там помощь уже не требовалась, Стас так шмотанул субчика о стену, что тот был в нокдауне.

Действие тут же переместилось в самую Треххатку.

Это были даже не парни, а два сорокалетних мужика: среднего роста, худощавые, с татуированными пальцами, ра-

зительно отличающиеся лишь физиономиями: у одного ястребиный лик с ввалившимися щеками, у другого рожица простецки-деревенская с плешивостью на круглой голове. Пока парни в гостиной шмонали воровские баулы и карманы, Алекс заглянул в кабинет. Стоявший в углу внушительный сейф был пуст, ящики стола вывернуты на письменный стол. Прошелся по другим комнатам. С облегчением увидел, что главный схрон в лоджии налетчики не обнаружили. Там в углу, под грудой обычного балконного хлама на уровне пола, находился выдвижной кирпич, за которым была ёмкость в два изъятых кирпича. Этот тайник был личной гордостью Алекса – в условиях тотального надзора просто жизненно необходимо было хоть в чем-то обхитрить надзирающую сторону (или стороны). Сейчас там лежали его лейтенантские погоны, орден «Плайя Хирон» (за кубинскую операцию с батискафами), пачечка «франклинов» и пара компьютерных дисков со всей бизнес-документацией.

В спальне на компьютерном столике Веры отсутствовал ее ноутбук (ну так она взяла его с собой в дорогу, вспомнил он), из шкафа исчезла ее новая дубленка и, наверное, пара нарядов. Гостиная лишилась плоского 40-дюймового ТВ, а также клевца и шестопера, украшавших стену над диваном. Сейчас все это лежало на полу гостиной, извлеченное из баулов. Плюс содержимое сейфа: оригиналы документов на всю копыловскую собственность, пачка с баксами на текущие расходы (тысяч пять) и шкатулка с Вериной ювелиркой.

Отдельно на диване было разложено содержимое карманов домушников: 2 паспорта, 1 мобильник, набор отмычек, тысяч семь рублей, записная книжка, 2 связки обычных квартирных ключей.

– Ну что, голуби, давай как на духу, – приступил к допросу Стас. – Кто навел, как готовились, куда сбывать думали?

Налетчики сидели в углу на полу и затравленно смотрели на великолепную пятерку.

– Утюг, что ли, включить, или как?

Судя по тому, что они никак не выделяли Алекса, а страшились лишь физической мощи Стаса, можно было подумывать, что это какие-то гастролеры.

Гастролеры и оказались, но и наводка тоже была. Главным инициатором был Ёжик-Савела, сменщик взорванного в машине Лукача на посту лукачской ОПГ. Два года назад на поминках Лукача он попытался наехать на Алекса, за что получил от отельера выстрел в колено. Спасал свою ногу три месяца, сначала в Питере, потом в Берлине, а тем временем оставшихся без присмотра его подручных частью пересадили, частью взяли под крыло копыловского «Стрельца». Посадили бы и Ёжика, но он по возвращении из Берлина затихарился где-то в Белоруссии. Издали следя за судьбой лукачцев, не придумал ничего лучше, как натравить на Алекса московских бандюганов. Те не спешили разворачивать широкие военные действия, решили провентилировать ситуацию с двумя тульскими гастролерами.

Закончив допрос, Алекс со Стасом вышли в лоджию.

– Ну что, ментов вызывать? – Капитану и самому этого совсем не хотелось.

– По-моему, перевербовка у нас с вами лучше получается.

– Это когда молодые, а когда мужики с тремя – пятью ходками, то дохлый номер.

– Тогда на «Фазенду» пеньки копать, а потом к Авдею в бригаду бетон мешать.

Договорить им не дали. В двери раздался требовательный не стихающий звонок. Это могла быть только разъяренная ожиданием Вера.

– Ну вы, в общем, тут как-то сами. – Алекс, знаком позвав за собой Сеньюкова, поспешил на выход.

– Какая ты нетерпеливая! – Он грудью закрыл ей вход в прихожую.

– Ну что там? – Вопрос был к Сеньюкову, вдруг ответит.

– Всего два трупа, мы уже их успели в кислоте растворить. – Алекс мягко подталкивал ее к лифту.

– Ну да уже растворили, – радостно подтвердил шагавший третьим Сеньюков.

В общем, прерванная поездка в Московию через пару минут была возобновлена. В том, что Стас сотоварищи приведут Треххатку в полный порядок, сомневаться не приходилось. Запасные ключи у капитана имелись. Тем не менее настроение Алекса было испорчено не столько самим ограблением, сколько своим участием в ситуации лишь в каче-

стве статиста. Умом он понимал, что все произошло слишком быстро, тут не до качественного распределения ролей, но все же знак Стаса: скройтесь с водилой у мусоропровода – неприятно уколол самолюбие.

– Давай в Пулково, – сказал он Сениюкову.

Тот повиновался без всяких возражений. Вера сердито бросила:

– Я же говорила, что поездом или самолетом лучше и быстрее.

Может, оно и было лучше, вот только при входе в аэропорт Алекс вынужден был отдать Сениюкову свой «Глок» на великое сохранение и лететь совершенно безоружным.

Из-за всех этих проволочек во Внуково прибыли глубокой ночью. Аэроэкспресс и автобусы уже не ходили, пришлось выбирать таксиста среди неприятной компании бомбил. Когда выбрали и пошли было к его машине, сзади раздался голос Зацепина:

– А я вас по всему аэропорту ищу, уже с ног сбился.

(На самом деле он просто проверял, не пасет ли его молодую пару кто-то еще.)

В общем, сунули бомбиле триста рублей отступного и двинулись к машине майора. Свое встречаение «дядя Альберто» объяснил просто:

– Боялся, что вы в Ивантеевку проедете мимо меня, а мне Евдокии Никитичне надо кое-что передать. Свой испанский еще не стал забывать?

– А проверь.

– А и проверю. – И майор перешел на спанишь.

Внешне для Веры это выглядело как веселая непринужденная пикировка с шутками, улыбками и подначками, сам же текст зубоскальством не отличался.

«Все уже закрутилось, даже с первым трупом».

«И кого?»

«Зоя оставила соседке ключи, та пошла поливать цветы. Растяжка была установлена прямо на кухне».

«А Зоя знает?»

«Еще нет. Это случилось пятнадцать часов назад. Не знаю даже, как ей сказать».

«Мы едем к тебе?»

«Нет».

«У меня ключи от Жоркиной московской квартиры».

«Это тоже легко вычисляется. Едем в служебный адрес».

– Ну как, не забыл он испанский? – вставила Вера в возникшую паузу.

– На четверку с минусом.

– На пятерку с плюсом, – протестовал Копылов.

То, что они не едут к нему домой, майор для Веры объяснил, что затеял в квартире ремонт, зато у него есть ключи от квартиры отсутствующего сослуживца. Про Зою, с которой Вера была почти подругой, сказал, что ее просто сейчас нет в Москве.

В большой отменно отделанной двухкомнатной квартире разве что выложенных на кроватях лебедей не хватало, все остальное было в наличии до самых мелочей – Алексу как владельцу питерских гостевых апартаментов это сразу бросилось в глаза. Заполнены холодильник с баром, в ванной крошечные шампуни, кусочки мыла, зубные щетки в упаковке, даже горшки с цветами. Разительное отличие от той унылой питерской однохатки, куда Алекса под именем Дмитрия Волкова внедрили вначале его шпионской карьеры. Все-таки Москва она и есть Москва, здесь во всем свой лоск. Од-

на лишь Вера смотрела на все вокруг без малейшего удивления, привыкнув за три года все происходящее с Алексом принимать за данность, словно по-другому и быть не могло. Не стала даже пить чай, быстро юркнула в постель и тотчас сладко засопела.

Алекс с Зацепиным все же почаевничали с казенным овсяным печеньем (вполне свежим). Говорили опять на спанише, в основном о визите Ани Грибаевой. Отельера также беспокоило, сумеет ли майор достать ему какую-либо стрелялку вместо «Глока». «Я подумаю», – пообещал «дядя Альберто». Заодно вручил «племяннику» две новых симки:

– Поменяйте с Верой в своих мобильниках.

Не забыл Алекс еще про одно дело, ради которого собирался в Москве непременно увидеться с Зацепиным.

– Помнишь, как я рассказывал тебе, что поставил перед собой главную цель своей шпионской жизни: наносить Штатам максимальный материальный урон?

– Это когда узнал, как Рейган уговорил арабов снизить цены на нефть? И что?

– Как бы мне получить нашу тупиковую военную разработку, на воссоздание которой у матрасников уйдет два-три года и пяток миллиардов. Как-нибудь цэрэушникам ее да втюхаю.

– Авантюра с батискафами явно не дает тебе покоя. Но ведь ты там был совсем ни при чем, только первичная твоя идея. Я думаю, там раскусили уже, что это была дэза.

– Просто осточертело быть тихим клерком идеологического фронта. Я знаю, ты тоже от этого бреда не отказался бы. Ну давай, давай сделаем!

– Сначала нужно как следует с одним разобраться... Хорошо, хорошо, сделаем.

Алекс поднял правую руку:

– Скажи: «Чтоб я сдох».

– Чтоб я сдох, – послушно поднял руку «дядя Альберто».

Четыре часа сна, да еще во время путешествия было вполне недостаточно, чтобы встать бодрым и энергичным. Обнаружив в холодильнике молоко и яйца, Алекс поискал еще и нашел пакет муки. Рассмеялся своей находке и принялся готовить блины сразу на двух сковородках. Вкусный запах разбудил остальных.

– Да ты у нас повар первой гильдии, – заметил Зацепин, заглядывая на кухню уже умытый и причесанный.

– А почему ты дома так никогда не делаешь? – сказала Вера, без макияжа выглядевшая совсем по-деревенски (но очень мило).

Откушав блинов, стали смотреть фильм по «Культуре», поджидая курьера, вызванного майором.

Балкона в квартире не было, поэтому Алекс, поменяв в «Нокии» симку, пошел звонить на переходную лоджию подъезда. Первый звонок был Ларе:

– Надо, чтобы ты на неделю отъехала на «Фазенду».

«Что, мне тоже грозит кислота в лицо?»

– Возьмешь у Жорки распечатки по «Светлобесу» и будешь их аккуратно архивировать в трех экземплярах. И старайся там одна сильно не шастать. Дабы лихие джигиты не украли тебя.

«Так это ж мечта любой девушки, чтобы украли».

– Прочитаешь еще пять книг по моему списку и десять фильмов по списку Жорки.

«Могу еще красную и белую фасоль перебрать».

– Не копируй Еву, тебе это не идет.

«А волшебное слово».

– Мадам, чтоб вы сдохли, вы мне нравитесь.

«Аналогично», – весело пискнула трубка.

Второй звонок адресовался Стасу:

– Как там наши домушники с медвежатниками?

«Ночью отвезли их на “Фазенду”, первые пеньки корчевать им уже назначены».

– Большая просьба: пока их не отпускать, и пришлите мне их паспортные данные и все, что они про свои связи озвучили.

«Хочешь их тоже в “Стрелец” пристегнуть, неугомонный ты наш?»

– И еще сделайте Жорке разрешение на оружие и дайте какую-нибудь стрелялку.

«Это еще зачем?»

– Без этого он в Вальхаллу не сможет попасть. А это его заветная мечта. И пожалуйста, усильте контроль за Евой и Ларой. Лару я уже на «Фазенду» на неделю нацелил, но там тоже лучше на нее маячок повесить.

«Что, уже до этого дошло? Из-за этой, как ее, Ани Грибаевой? А с Люсьен что?» – Стас был в курсе всех копыловских амуров.

– Ее, если не трудно, тоже под колпак, но только так, чтобы она ничего не просекла, а то воплей не оберешься.

«С дядей встретился?» (Так вот кто сказал майору об их прилете во Внуково.)

– Встретился, поэтому такой мандраж.

«На себя и на подругу тогда тоже маячки повесь».

– Есть, сэр.

Третьим он набрал Хазина. Жорка был в полном восторге от возможности легально таскать на себе стрелялку, заверил, что каждые две минуты непременно будет оглядываться, и тут же обрушил на Алекса новый проект строительства на «Фазенде» маленького деревянного замка, обнесенного рвом с водой, для штурма ратоборцами из расчета 45 атакующих на 15 защитников: «Это будет супер-пупер, никто еще этого не делал». Алекс еле отбился, попросив прислать ему чертеж сего замка.

Ровно в десять ноль-ноль прибыл курьер Андрей Урнов, тридцатилетний парень приятной наружности, которого Зацепин представил Алексу как своего зама. Вышел сильный намек на то, что сам куратор тоже может попасть Лавочкину под раздачу. На мимику «племянника» насчет стрелялки Петр Иванович утвердительно кивнул головой.

Остаканились на дорожку хорошей порцией кофе и вперед: Зацепин на своем авто в одну сторону, остальная троица на машине Андрея взяла курс на Владимирщину. До Петушков ехать пришлось три часа. Там перекусили в сомни-

тельного вида кафешке, прикупили в магазине дорогих разносолов и поехали в Ивантеевку.

Баба Дуся, она же баба Дуня, позади дома полола грядки. Заслышав шаги гостей, обернулась и выпрямилась.

– Господи, то-то Ласка утром так умывалась. Санечка! – засеменила она к внуку.

Алекс выдохнул с облегчением: не было никаких упреков и обид – простая чистая радость увидеть долгожданного внука.

– Вера – моя невеста, – представил он свою спутницу.

– Меня Андрей зовут, – сам отрекомендовался Урнов. – Петр Иваныч не смог, меня прислал вместо себя.

В доме хозяйка, как водится, тотчас же к газовой плите и холодильнику, Вера ей в помощь. Урнов занялся техническим осмотром хозяйства. Алексу живо вспомнился их первый с Зацепиным визит к бабе Дусе, когда «дядя Альберто» точно так же взялся сразу исправлять течь унитаза. С Урновым было то же самое: не найдя существенных поломок, он, не дожидаясь обеда, вышел во двор и поехал за микроволновкой.

– Да зачем мне, – отказывалась от гостинца Авдотья Никитична. – У меня и нормальная печь, и плита, и духовка.

– Ничего не знаю. Мне Петр Иваныч сказал купить чего не хватает. Вам же их кормить, смотрите, какие здоровые спиногрызы.

В общем, обычный набор домашней суеты, клиповых

разговоров, погружения в деревенский антураж, который непременно должен был понравиться Вере. Так и случилось. Снова и снова ловил он ее одобрителный взгляд: ну и класс у тебя бабуся!

Правда, не обошлось без прокола. Это когда Вера подошла посмотреть семейные фото, размещенные в единой большой рамке, где были свадебное фото Сергея и Ирины Копыловых и их более позднее фото с годовалым Алексом на руках. Кивая на объяснения бабуся, кто здесь кто, Вера пристально глянула на запечатленную на снимках Ирину, после чего сердито зыркнула на Алекса: «Так тетя Анита, у которой мы гостили сначала на Кипре, а потом на Кубе, вовсе не тетя, а твоя родная мама?!»

Когда к вечеру все улеглось: Урнов уехал, оставив Алексу «Макарыч» с тремя обоями, бабуся ушла в малую комнату за дощатую перегородку, а они расположились в главной горнице на широкой панцирной койке (вернее, просто стащили с нее матрас на дощатый пол), произошел их очередной допросный разговор.

– Ну, к твоим бандитам и тайным заграничным агентам я уже как-то привыкла, но чтобы маму выдавать за тетю, ты меня извини.

– Как говорила мадам Бонасье, это не моя тайна.

– У тебя всегда один и тот же ответ, хоть бы поменял пластинку.

– Да ради бога! Разрешаю тебе задать мне вопрос, но толь-

ко один, хорошо?

– Хорошо. Что случилось с Зоей?

– А при чем тут Зоя? – опешил он.

– Я же слышала, как вы на спанише с дядей Петей называли ее имя. Давай колись.

– Ты уверена, что хочешь это узнать?

– Ее что, убили? – испуганно среагировала она.

– Не ее, ее соседку по дому, которая зашла поливать цветы. Там была растяжка со взрывчаткой. Знаешь, что такое растяжка?!

– Господи! И что теперь?

– Теперь будем тебя прятать, пока не дадут отмашку.

– «Тебя»? А тебя?

– Я вооружен и очень опасен. Чего, думаешь, я в мобильных симки поменял?

– А дядя Петя что?

– Разве не видела – тоже по другим квартирам ночует.

– Это из-за ваших кубинских дел?

– Я же сказал: один вопрос, а ты уже десять спросила. Лучше повернись ко мне своим левым бочком.

– Господи! Да что-нибудь вообще может остановить твои гормоны?

– Чтобы я из-за чего-то отказался от любовного подвига – да ни за что на свете!

– Бабушка еще не заснула.

– А мы тихо-тихо.

Бедная Вера – за что ей были такие секс-испытания.

Первый этап расследования, предпринятый Зацепиным, с подключением личных негласных связей с прокуратурой и ФСБ ни к чему конкретному не привел. После своего увольнения три года назад с места начальника службы безопасности холдинга «Элис» Лавочкин бесследно исчез из Москвы, по слухам, подался то ли в Киев, то ли в Харьков. Попросив нужных людей просмотреть следы Лавочкина в этих городах и ни за что не зацепившись, Зацепин направил свои стопы в сам «Элис» к главе холдинга Игорю Михайловичу Аникееву. Там майора, несмотря на его нешуточное удостоверение, не захотели пропускать, потребовали письменного изложения темы встречи. Зацепин тут же на вахте написал: «Речь идет об убийстве одним из ваших работников» – и уже через полчаса сидел в кресле желтой кожи напротив босса холдинга, вальяжного господина с повелительным ликом, над головой которого висело его фото в рамке рядом с Путиным.

– Если ты не прокуратура, не милиция, не ФСБ, то почему это интересуется вояк? – был первый вопрос.

– Тебе об этом знать преждевременно, – не отказал себе в резкости Зацепин. – Скажем, я хороший знакомый генерала Карасева (последний был генералом ФСБ).

– И кто же кого убил?

– *Твой* бывший начальник службы безопасности Лавочкин.

– Надеюсь, он убил, уже когда не находился в моей фирме.

– Это случилось неделю назад.

– Ну так о чем разговор! Ищите и обрящете, как говорится.

– Есть основания полагать, что пять лет назад еще под крылом «Элиса» Лавочкин совершил, разумеется, через подельников, не менее десяти убийств. Оно *тебе* надо?

– Нужна очень солидная крыша, чтобы кто-то говорил со мной в таком тоне, – хозяин кабинета с трудом сдерживал раздражение.

– Перейдем на «вы» – и все наладится.

Аникеев неожиданно рассмеялся.

– А *вы* тот еще фрукт!

– *Вы* тоже ничего, – отвечивал майор.

– В общем, три года назад я Лавочкина уволил, после этого как-то не интересовался, где он и что с ним.

– Мне нужно ваше распоряжение нынешней вашей секретности о содействии.

– И чтобы это в конечном итоге вывело на прежние художества Лавочкина?

– Прошлое останется в прошлом, меня интересуют только его сегодняшние штуки.

– Это не вы тогда прислали мне фото и карикатуры?

– Не я, но познакомиться с художником могу. (Художником

был Алекс.) После Лавочкина, разумеется.

– Ну что ж, почти договорились. Завтра жду вас для заключительного раунда переговоров.

– Боюсь, одного дня вам не хватит навести обо мне справки.

– Согласен. Тогда послезавтра. – И Аникеев сделал пометку в лежащем перед ним ежедневнике. – Шестнадцать ноль-ноль вас устроит?

– Вполне. – И с видом дипломата среднего ранга майор направился к двери.

Только через пару дней Алекс в полной мере понял, почему ему так хорошо здесь в Ивантеевке. Сначала увидел Павлушу, местного Левшу, который еще тогда, в 1993 году, сумел на своем ужасном венгерском компьютере активировать чип, спрятанный в коста-риканском медальоне матери. На чипе был список 30 кремлевских агентов влияния с их заграничными банковскими счетами. Именно после передачи этого материала в Москву на их виллу в Лимоне произошел налет спецназа коста-риканской полиции. Теперь Левша работал компьютерщиком в солидной владимирской фирме.

Следом в гости к бабе Дусе проведать Алекса пожаловал «бедовый» Герка, научивший тогда же в 93-м Алекса косить сено. Правда, сей дружбан позже в десятом классе залетел в колонию для малолеток, но ничего, вышел и к 22 годам как-то выправился и теперь возил на служебной иномарке какого-то владимирского шефа, причем каждый вечер с шиком возвращался на сверкающем авто в Ивантеевку, чтобы потом в шесть утра стартовать обратно в областной центр. На него материализация рядом с Алексом Веры произвела неотразимое впечатление (особенно слово «невеста»), он тут же изо всех сил стал убеждать ее, чтобы она не сомневалась: Алекс – это мужик так мужик:

– Представь, он нашему выпендреннику Никите так и ска-

зал: тебя одного против меня мало, найди напарника и будем драться два на одного. Никита прямо обалдел. Потом к нему приехал из Суздаля его двоюродный брат-качок, и они пошли искать Алекса. И что – отдубасил придурков так, что им потом швы на морду накладывали.

Вера Геркиным восторгам лишь слегка улыбалась – кто бы сомневался, что Алекс всегда был бультерьер бультерьером.

Зато ни слуху ни духу не было о московской студентке Лине, кандидатке в мастера по плаванию, с которой девятиклассник Алекс поспорил, что мужчина всегда сильнее женщины и, если она не будет кусаться и царапаться, запросто сумеет ее раздеть. Увы, полноценных интимов у них случилось совсем чуть-чуть, через неделю Лина уехала домой. При расставании вручила ему свой адрес, которым он так и не воспользовался, осознав, как придется в Москве стесняться такой восемнадцатилетней старухи. И все же воспоминания о первом любовном опыте у него были самыми теплыми.

В своей прежней коста-риканской жизни он считал своим самым ярким событием месяц, проведенный в двенадцать лет на тexasском ранчо у друзей отца. Там были и лошади, и метание лассо, и стрельба из всех видов стрелкового оружия. Потом, в России, главным для него стало месячное путешествие с Зацепиным по маршруту: Москва – Петропавловск-Камчатский – Итуруп – Сахалин – Владивосток – Москва. Этакий грузовик пейзажей, багажник водки, шкапулка откровений – весь блеск и нищета России.

И только сейчас, приехав с Верой к бабусе, Алекс с удивлением обнаружил, что Ивантеевка, оказывается, тоже ода-рила его порядочным куском настоящего отрочества, которое даже поважнее невинного московского студенчества и трехлетнего питерского шпионства. Так они в его сознании и стали на равных: родительская вилла в Лимоне и бабушкин пятистенок в Ивантеевке.

В полное удовольствие привела его и нынешняя взаимная симпатия бабуси и Веры. Они словно нашли друг друга, с готовностью выкладывали друг другу свои автобиографии, суждения, любимые фильмы и книги (бабуся до пенсии работала учительницей начальной школы). Были похожи даже внутренне – в своем снисхождении к людским недостаткам и нежелании злопыхать о ком-либо.

– Представляешь, чтобы в деревне и не перемывать кости своим соседям, – изумлялась Вера.

Так ведь и ты такая же, хотелось воскликнуть Алексу. Прежде ему казалось, что отсутствие у Веры негативных выпадов в адрес других людей и ее гиперспокойное отношение к его собственному криминалитету объяснялось ее врожденной тактичностью, а выходит, не в этом дело – просто *такой человек*. К этому хорошо подверстывались рассказы Веры про ее отца, который несколько раз уходил из дома, не выдержав бесконечных придировок жены. Вот и вырастила в себе полный антипод своей матери: мол, мужчина на то и мужчина, чтобы знать, чем и как ему жить.

Еще накануне поездки они с Верой договорились, что попробуют уговорить бабу Дусю перебраться на жительство то ли в Питер, то ли на «Фазенду». И теперь Вера вовсю расписывала ей все прелести их базы отдыха, мол, можно выбрать себе жилье хоть в Главной усадьбе, хоть в Мотеле или гостевом брусчатом домике. Бабуся внимательно слушала, задавала конкретные вопросы, внимательно рассматривала буклет с фото и планом «Фазенды» и почти соглашалась на переезд, препятствие было лишь одно:

– Все это очень хорошо, и то, что вы все выходные проводите там, просто замечательно, нет главного. Внука или внучки.

Для Веры это условие было нож острый. Если первый год они с Алексом по обоюдному согласию проверяли надежность своих отношений, то второй и третий год проходил у них под девизом: «Будет беременность – будет и свадьба». А с этим как раз ничего и не получалось. Более того, служило поводом к их немногим размолвкам. И слова бабу Дуси только сильнее растравили их патовую ситуацию.

– Вот видишь, я же говорила, без детей все теряет всякий смысл, – тем же вечером напомнила она ему. – И по этому параметру я тоже тебе не подхожу.

– А по какому еще? – наострил он уши.

– Ты сам знаешь по какому.

Как все славно складывалось первый год, когда он пытался сделать ее Первой леди, учил английскому, истории, гео-

графии, конной выезде, рок-н-ролу. Отправил на водительские курсы, которые она хоть и закончила, но наотрез отказалась получать личное авто. Попробовал даже привлечь ее к заочному управлению «Биремой». По его завещанию (о котором ей было известно), она становилась наследницей всего копыловского движимого и недвижимого имущества. Увы, все это как-то само по себе постепенно сошло на нет. *Такой человек!*

Занятая своей библиотечной работой и детскими заказными книжками, Вера вполне довольствовалась теми двумя-тремя днями в неделю, когда он выводил ее в театр, парк, музей, ресторан, искренне радовалась их турпоездкам на Кипр, Кубу, Таиланд, готовилась к покорению Парижа, Лондона, Рима и как привычное и должное принимала восторги своих тверских одноклассников:

– Ну ты, Вера, и везунчик!

Совместное хозяйство сильно их не обременяло, в кухонном шкафчике всегда лежала некая сумма на продукты, в шкапулке в спальне – с десяток «франклинов» на покупки для Вериного гардероба, чем она, впрочем, не часто пользовалась. Зато при получении своих копеечных гонораров непременно вела Алекса в ресторан, со смехом говоря: «Кто юношу ужинает, тот его и танцует». Ну а раз для нее – это хорошо, то пускай и для него будет хорошо, успокаивал он себя.

Через неделю на новую симку позвонил Андрей Урнов:

«На твой старый телефон со страшной силой рвутся дозвониться *товарищ* из Хельсинки и некий Демко из Москвы».

Демко Алекс проигнорировал, а Маккою, отправившись спозаранок с Геркой во Владимир, позвонил.

«Вы поменяли телефон?» – первым делом осведомился Лупастик.

– Да, прежний в воду уронил.

«Вы где сейчас?» – Это был проверочный вопрос, Алекс не сомневался, что его владимирское местоположение в Хельсинки уже высветилось.

– Во Владимире. Смотрю местные достопримечательности.

«Необходимо, чтобы вы позвонили Демко и встретились с ним».

– Он хочет купить мою «Бирему»?

«Нет, скорее, он хочет продать вам свой “Арго”».

Алекс даже чуть хохотнул от такого ответа.

– А есть хоть одна причина, почему мне нужно покупать его клуб?

«Ну хотя бы потому, что часть вашей работы, а значит и бонусов, с вас снимается. Появились другие каналы переда-

чи грантов. В общем, вы должны с ним встретиться, а потом позвонить мне. Это очень важно и восстановит все бонусы».

Сидя рядом на лавочке, Вера внимательно слушала его английский-переговоры.

– Что-то важное? – спросила с некоторым беспокойством, поняв лишь слова «купить» и «Бирема».

– Еще не знаю, – честно признался он.

К счастью, визитка московского гостя находилась при нем. Борис Максимович откликнулся сразу.

«Я вас по трем телефонам ищу, никак дозвониться не могу».

– Когда я в отпуске, я отвечаю на звонки только своего диспетчера, – объяснил без всякого политеса Алекс.

«Вы случайно не в Москве? Мне очень нужно с вами встретиться».

– Могу завтра быть в Москве, во второй половине дня.

«Отлично. На моей визитке есть адрес “Арго”. Давайте в семнадцать ноль-ноль».

– Давайте, – машинально сказал Алекс, с запозданием подумав, что для солидности нужно было договориться о встрече хотя бы на послезавтра.

Тут же сделал ответный звонок Андрею Урнову.

– Я назавтра договорился о встрече с этим Демко в Москве. Или мне пока в Москву запрещено? Могу переиграть эту встречу. Как там у майора?

«Сообщи, во сколько приезжаешь, чтобы я встретил. Пет-

ру Ивановичу тоже надо с тобой переговорить».

– А как насчет Веры? (Та тут же наострила слух.)

«Думаю, да», – был ответ.

– Таможня дает добро, – это было уже к любимой «жене». – Завтра едем в Москву.

– Надолго? – уточнила она.

– Понятия не имею, как масть ляжет. Но вечернее платье обязательно. Как не взяла? Тогда быстро купить.

Бабусю их отъезд расстроил:

– Говорил же на месяц, а только неделя прошла.

– Может, еще и вернемся, – успокаивал он. Но вещи решено было брать с собой. От банок с вареньем и грибами отбиться удалось с великим трудом: – Если вернемся, то чего их таскать туда-сюда. – Однако он сам не верил в такую возможность.

В петушинской электричке уже у самой Москвы Веру неожиданно прорвало:

– Давай вместо театра я к родителям в Тверь поеду.

– Хочешь, чтобы я места себе не находил от беспокойства?

– Я думаю, ничего второй раз не повторяется... Имею в виду, то похищение Грибаевым твоей девушки, – сказала она его недоуменному взгляду.

– А если тебе, например, просто в лицо плеснут серной кислоты.

– Фу! – Веру прямо всю передернуло. – У тебя точно большое воображение.

Пару минут они ехали в полном молчании.

– Я очень тебя прошу. Я буду предельно осторожна. Могу даже поехать к своей крестной в деревню. Какая разница: здесь в деревне или там?

Несмотря на просящий тон, стронуть ее с этого решения, он знал, было невозможно.

– Хорошо. Только поедешь не на электричке, а на автобусе, – сдался он и вручил ей с десятков «франклинов»: – Твои одноклассники не поймут, если ты их сводишь в кафе не десять, а только девять раз.

На Курском вокзале их встретил Урнов. Неподалеку на авто поджидал Зацепин. Чуть отъехав, они выбрали неброс-

кий ресторанчик, где заодно и пообедали. Алекс рассказал майору о смотрах Демко «Биремы» и о предложении на счет московского клуба «Арго». У Урнова с собой был ноутбук, по которому он тут же стал наводить о клубе и владельце справки (благо интернет в ресторане имелся). Затем Зацепин с Алексом направились к машине, а Урнов на такси повез Веру на автовокзал. Легкий «супружеский» поцелуй и взгляд ей в спину с ощущением, что видит ее в последний раз.

Лучшим лекарством от лишних мыслей был разговор с «дядей Альберто» по пути к «Арго» о «делах наших скорбных». Майор рассказал о двойном посещении Аникеева и показанном ему архивном досье Лавочкина на 17 ликвидированных группой «Верность присяге» высоких чиновников, где имя Зацепина красовалось на каждой третьей странице.

– Мне тоже Лавочкин показывал это досье, только все фамилии в нем были закрашены, – не преминул похвастать Алекс. – Что, тоже решили тебя шантажировать?

– Наоборот, предложил мне должность Лавочкина с пятизначной суммой зарплаты. Заодно попросил и художника ему предъявить, что шаржи на Лавочкина рисовал.

– А как там со взрывом? – нетерпеливо поинтересовался Копылов.

– Удалось все перевести на взрыв бытового газа, хорошо, что заряд оказался довольно слабым.

– А Зоя что?

– Зоя попросила меня уйти из ее жизни.

«Опаньки!» – воскликнул про себя Алекс.

Авто остановилось в пределах видимости светящейся вывески с изображением греческой ладьи с гордым названием «Арго». Это был трехэтажный советский ДК. Выглядел солидно и дорого, хоть и находился на восточной окраине Москвы.

– Держи. – Зацепин достал коробочку с «жучками», выбрал один из них и нацепил с внутренней стороны на воротник рубашки Алекса.

– А если обыщут? – поостерегся было Копылов.

– Ну и ничего. Ты же криминальный пахан, можешь какие угодно меры предосторожности принимать.

С этим напутствием Алекс зашагал в сторону клуба. Майор же, настроив прослушку, чуть отъехал в сторону и, притворившись дремлющим, стал слушать.

Вышколенный охранник на парадном входе, прежде чем пропустить Копылова, позвонил боссу. Тот встретил Алекса на лестнице, ведущей на второй этаж.

– Теперь моя очередь показывать свое хозяйство. – И он повел гостя по клубу.

Показывать было что. Прежде всего вечерне-ночное гульбище с трехзальным рестораном, баром, танцполом, бильярдной. Среди дневных присутствий были: фитнес-центр, 3 комнаты для языковых курсов, с десятков помещений под

сторонние офисы, блок с четырьмя гостевыми номерами, бутики с косметикой, сумочками и другой хренью. Плюс остатки советского культпросвета, к которым вел задний вход ДК: библиотека, несколько детских кружков, интернет-кафе, зрительный зал для канувшего в Лету Народного театра.

Закончив осмотр, они прошли в просторный кабинет Демко. Эффектная секретарша (лет 40) тут же обеспечила их кофе с конфетами и пирожными.

– Мне что, предлагается все это купить? – Алекс не стал сильно церемониться.

– Речь не о том, чтобы купить, а стать продюсером «Арго».

– Как-то непохоже, что вы на грани банкротства.

– Напротив, офисы, бутики и ресторан приносят хорошую копеечку. В этом смысле все в шоколаде, как сейчас выражается молодежь.

Алекс ждал продолжения.

– Вот только все это никак не складывается в английский клуб, который есть у вас. Постоянная золотая молодежь тоже имеется, но она хочет только пить, колоться и веселиться. Любые разговоры ей по барабану. Есть, правда, Костя Беркутов, моя особая гордость, ведет курсы подготовки для ВГИКа, но он совсем как бы особняком. Явно не хватает своего компьютерного сайта, который есть у вас. Да и иностранцы как-то к нам особенно не рвутся.

– Продюсер – это как и сколько?

– Это худрук всего этого. Чтобы все привести в настоящий английский клуб. А жалованье для начала три тысячи «зеленых».

– То есть я буду просто вашим наемным работником? – заострил тему Копылов.

– Ну, не совсем, – чуть смутился Демко. – У вас будет полная свобода действий.

– ...и бюджет, – добавил нахальный гость.

– Все это, я думаю, решаемо. Ведь не захотите вы здесь все перестраивать.

– Почему же? Я увидел пару комнат, в которых можно поставить санузел и превратить их в приличное служебное жилье. Или вы беретесь купить мне квартиру?

– Зачем купить? Можно просто снимать. За счет принимающей стороны.

– А ваши служащие? Вы им прикажете мне подчиняться, и они будут?

– Вы хотите иметь право их увольнять или еще что?

– Мне понадобится привезти сюда свою команду, и я не хотел бы, чтобы ваша команда слишком откровенно выражала мне свое неповиновение. То есть саботировать могут, хамить – нет.

Демко не ответил. Просто сидел и осмысливал услышанное. Алекс ему не мешал.

– И еще мне нужна вся ваша бухгалтерия, чтобы я видел, каких священных коров трогать можно, а каких нельзя. И

половинная прибыль от тех моих новшеств, которые в «Арго» будут приняты.

Пауза продолжилась.

– Все это, кстати, после самого предварительного осмотра, возможно, появятся и другие вопросы. Раз вы пусть и с чужой подачи обратились ко мне, значит, в Датском королевстве не все благополучно. А о проблемах вы вряд ли сами захотите говорить.

– Почему же, могу сказать и о проблемах, – сухо заговорил хозяин кабинета. – Главная фишка, что я сколько ни учил, так толком английский одолеть и не смог. А без него с призывом иностранцев никак. Уже дважды брал других худруков, но они язык хоть и знали, но и только. Народ уже воеет: дайте шефа получше, так что, если сумеете им как следует пыль в глаза пустить, то все получится. Свои условия готовы озвучить?

– Пять тысяч в месяц мне и десять тысяч на расходы под предъявленные чеки.

– Десять тысяч разово или тоже каждый месяц?

– Понятия не имею. После первого месяца будет видно. Главное, чтобы они были у меня в руках, чтобы я не выглядел перед своей командой полным лохом. И еще: первую неделю вы будете рядом, если надо, поправите меня наедине, а потом будете появляться в «Арго» только раз в неделю разбирать на меня все жалобы.

– Жестко, – почти восхитился Демко. – Я забыл преду-

предить, что весь наш разговор записывается, – он указал на не приметный диктофон, лежащий на его директорском столе под прикрытием письменного прибора.

«Я тоже вас пишу», – едва не брякнул Алекс.

– Очень хорошо, – сказал он вслух. – Будет от чего оттолкнуться, когда я приеду к вам в следующий раз. Или приезжать уже необходимости нет?

– Трудно сказать. Мне надо все это как следует переварить. Так что будем на связи. Леночка, проводи нашего гостя, – звучный голос Демко предназначался сидящей в приемной секретарше.

– Я читала про вас и вашу «Бирему» в интернете, – сообщила по дороге вниз, окутывая его целым облаком парфюма, Леночка. – А свою секретаршу вы тоже привезете? Или мне стоит подыскивать новую работу?

– Наоборот, вся надежда только на вас (вербовать так вербовать).

– Ну что ж, переговоры прошли в деловой и дружеской атмосфере, – констатировал Зацепин, когда они отъехали от «Арго» на пару кварталов. – Ты что, действительно хочешь согласиться?

– Как родина прикажет.

– Родина боится, что ты окажешься несостоятельным.

– Я не понял: таможня дает добро или нет? На «Арго» я имею в виду.

– Тебя наш запрет хоть когда останавливал?

– А со «Скамейкиным» что?

– «Скамейкиным»? – усмехнулся Зацепин. – С ним может послезавтра все и решиться. Говорят, в Питере бандюганы на тебя охоту тоже объявили. Прямо завидно.

– Ну так что? – не отступал Копылов.

– Вон как уже копытами бьешь. Везу тебя в аэропорт, вот что, будешь со своим инструктором разбираться. Мне каждый день звонок в десять утра и девять вечера.

В аэропорту билетов на ближние рейсы не было, но Зацепин помахал каким-то «левым» удостоверением – и нужный билет тотчас нашелся, правда, «Макарыч» все же пришлось майору отдать.

Первоначально Алекс хотел прилететь в Питер инкогнито, но, сидя в накопителе Внукова, вдруг представил, как среди

ночи приедет в свою разоренную Треххатку (вряд ли Стас и К^о навели там идеальный порядок) и один ляжет в холодную постель. Набрал было телефон Лары, но вспомнил, что сам отправил ее на «Фазенду». Подумав, позвонил Люсьен: не хочет ли она приютить одинокого юношу. Та, разумеется, хотела.

Два года назад криминальный авторитет Андрей Лукачев накануне своей гибели озаботился благополучием своей единокровной сестры Антонины и на паях с Копыловым купил для нее клоповник для гастарбайтеров, который стараниями Алекса был превращен в малый отель «Два путника» на 15 номеров. Все бывшие лукачцы (иначе «боксеры»), ставшие под знамена «Стрельца», до сих пор с крайней уважухой относились к четким выплатам сестре Лукача всех ее дивидендов.

Менеджером «Двух путников» Алекс поставил горничную «Биремы» Люсьен (по совместительству свою третью «жену») и не прогадал – Люсьен оказалась достойной ученицей Софочки, так же четко рулила двумя горничными, буфетчицей и сторожем. С постояльцами забот у нее тоже было немного, почти все они как бывшие клиенты «Биремы» были в курсе кулачных войн князьков за место под солнцем, поэтому малейшая угроза Люсьен позвонить Копылову ментально прекращала любой их пьяный кураж.

Сей карьерный рост сильно изменил саму Люсьен, превратив из статной горничной в пышнотелую отельершу, за-

одно найден был и нужный баланс в ее отношениях с боссом: жуткая ревнючость на отшибе сменилась гордой неприступностью, лишь временами прорываясь жалобами и упрёками. Впрочем, любая инспекция в отель Алекса непременно заканчивалась бурными интимами. Секрет ее уступчивости был прост. Во время одного из его посещений Люсьен пожаловалась на собственную слишком большую грудь:

– Ну скажи, разве она может вызывать у мужчин хоть какое-то желание?

– Еще какое! – дабы улучшить самооценку девушки, он тут же принялся ласкать обе ее замечательные дыньки.

С тех пор это стало у них особым ритуалом. На фоне голливудских стандартов других «жен», ее телесная обильность выглядела дополнительным бонусом. Правда, этот плюс весьма сильно перекрывался повышенной меркантильностью Люсьен: любые свидания с ней непременно заканчивались денежными разговорами.

Так было и на этот раз. Нет, сама встреча прошла как надо: ужин при свечах, поцелуи, шутки, двойной интим. Даже с мелким подарком не пришлось заморачиваться, отлично подошла лаковая шкатулка, купленная во «Внукове». А потом началось:

– Ты не заметил, как у меня все вокруг навалено?

– Ну не аккуратная, вот и навалено.

– Не поэтому. Места для вещей не хватает.

– Два шкафа, два комода – и не хватает.

– У любой фрейлины русской императрицы было в наличие, я читала, по 100 платьев и 100 пар обуви. Я же тоже как бы твоя фаворитка, а не могу себе позволить больше 30 платьев и 30 пар обуви. И не потому, что денег не хватает – а квартира однокомнатная. (Ее однохатка была на сорок процентов оплачена Алексом.)

– Значит, вторая комната тебе нужна чисто под гардероб.

– Какой ты догадливый. Неужели я двухкомнатной квартиры еще не заслужила?

– Очень заслужила! Только у меня народ в очереди на *однохатки* стоит. Узнают, что ты в двушку перебралась, тебе же крысиный яд и подсыпят. Оно тебе надо?

– А мы сделаем, что не узнают. Я и так уже с нашими биремскими практически не общаюсь. Я в эту двушку сразу своих родителей переселю, а сама въеду в их хату на Марата. Никто и не узнает. Там тоже две комнаты, но потолки четыре метра и кладовая есть под гардероб. Зато отстану от тебя с денежным интересом на веки вечные.

– Сначала эту ипотеку выплати, тогда посмотрим.

– Могу досрочно выплатить, если ты мне просто зарплату удвоишь и пропускать будешь ее не через бухгалтерию, а как-то негласно. Мне тебя учить? Уважь любимую женщину.

– Люсьен, твой прагматизм тебя погубит. И квартиру, и зарплату?

– Это потому, что я уже старая (на 7 лет, однако) и толстая? – чисто по-женски расшифровала она.

– Добавишь еще пять килограмм, и мы точно под венец официально пойдем.

– У, противный! – она едва не скинула его с тахты.

– Это потому, что я жадный и эгоистичный. Кстати, ты в курсе, что мою квартиру пытались ограбить? Боюсь, что и квартиры любимых женщин попытаются.

– Да ты что! – всполошилась Люсьен. – У нас подъезд без консьержки. Теперь буду домой бояться приходить. Ну вот, ты меня даже защитить не сможешь!..

Он ведь хотел лишь соскочить с денежной иглы, а в итоге пришлось пообещать ей оплату установки квартирной сигнализации.

Утром за завтраком разговор вновь вырвался на долларовую тропу.

– Кстати, мне Телятины снова звонили, – как бы невзначай обронила Люсьен.

– Я же сказал: нет.

– Ты погоди, дослушай сначала.

Семейный отель Телятиных «Павел-Плюс» перед Алексом нарисовался еще два месяца назад. Скромная, почти игрушечная гостиница на восемь номеров вполне успешно существовала в спальном районе Питера, не привлекая к себе внимания даже местных рэкетиров, и самодостаточно обслуживалась самими Телятиными: отцом, матерью и взрослой дочерью. А потом вдруг супруги затеяли разводиться, что поставило на семейном бизнесе жирный крест. Отель был выставлен на продажу, требовали 350 тысяч баксов, но видно было, что и на 300 согласятся. Не требовалось даже косметического ремонта: запускать свою троицу работников и стриги купоны.

Но когда через Люсьен перед Копыловым возникло это предложение Телятиных, он стоял насмерть: нет, нет и нет! Причина была самой банальной: на счету у него оставалось не больше двухсот тысяч зелени, а заветной целью было во что бы то ни стало восстановить полтора миллиона родитель-

ского наследства, хотя бы до миллиона. Правда, на особом счету лежала, еще капитализируясь, заначка в триста тысяч тугриков, предназначенная его 7-летней сводной сестре Марии Гонсалес, когда она через десять лет приедет из Гаваны поступать в питерский вуз. То, что стоимость его фирм и недвижимости давно перевалила за пять миллионов, Алекс в расчет не принимал. Все это тоже было неприкосновенным, ибо служило основой самого увлекательного занятия на свете: платить все большему числу людей все большую зарплату и при этом и самому каким-то непонятным образом держаться на плаву.

– В двух словах, – продолжила атаку Люсьен. – Не надо триста тысяч, надо сто, и можно частями. Ты же говорил, что тебе мало двух отелей, хочешь целую сеть. Ну так это и есть твой третий отель.

– Ну? – заинтересовался Алекс.

– Дамы новых покупателей так и не нашли, зато навели о тебе все справки и решили стать под твою крышу с выплатой удаленному мужу его трети пая. Всего-то и надо, чтобы ты предоставил им надежного работника для мелких ремонтов. Я даже знаю, где такого мужика взять. Рэкет у них тоже есть, но не от бандосов, а от ментов. Я сказала, что и от ментов ты их сумеешь отбить. Ты же сможешь?..

– ...или пойдут разговоры, что против ментов я слабват, – закончил он ее фразу.

Люсьен отвернулась к окну, пряча улыбку. Ну что было

делать с такой провокаторшей? Просто подчиниться ее манипуляциям и вызвать по телефону такси.

Новый осмотр «Павла-Плюс» подтвердил, что здесь все прилично и доходно. Разговор с хозяйками отеля тоже вышел почти задушевный. Две искушенных в своем бизнесе женщины сканировали Копылова самым усердным образом, пытаясь успокоить себя, что они приняли правильное решение. Речь больше всего шла о том, кто будет в «Павле» третьим работником, чтобы в одном лице сторож, сантехник, электрик и не конфликтный человек, и сможет ли Алекс его как следует приструнить, если что. Выяснилось также, что имеются поборы от пожарных и санинспекции.

– За это тоже не беспокойтесь, – уверяла хозяйек Люсьен. – Наш босс любых хамов кушает на завтрак.

Под занавес Телятина-мама выставила на стол бутылку «Хеннеси». Звон четырех рюмок скрепил их предварительную договоренность. Вызванный по телефону Сениуков на своей «шкоде» сначала закинул в «Два путника» Люсьен, потом повез в «Бирему» Алекса с его дорожной сумкой.

На ресепшене Копылова ждал конверт без подписи, в нем была записка, набранная на компьютере: «Вступительный взнос готов. Как передать?» Подписи не было. Невольно рассмеявшись, он, чуть разобравшись с гостиничными делами и подписав кучу бумаг, по городскому телефону набрал мобильник Банкирши:

«Алло», – после долгой паузы отозвался нетерпеливый

женский голос.

– Это некто Копылов.

«О, Алекс, привет! Наконец-то ты на связи. Приехать прямо сейчас можешь?»

– Смотря куда и зачем.

«Я только взнос тебе передам и все. А встретимся мы чуть позже».

– Говори адрес.

Она продиктовала. Алекс положил трубку и попытался оценить ее интонацию. Так говорят подруги либо после двух недель интима, либо после двух лет общения. Второй раз за день поддаваться дамским манипуляциям не очень хотелось. В кабинет заглянул Жорка:

– Посмотрел мой чертеж? И каким будет твой положительный ответ?

– Ты-то мне и нужен. Поехали, – обрадовался отельер.

«Шкода» Сениюкова была аннулирована, у Хазина имелся свой внедорожник.

– Приедем в Треххатку, ты приготовишь ужин, я открою ноутбук и посмотрю твой замок, – обещал дорогой старший князек младшему.

Адрес, указанный Сабиной, оказался ультрасовременным домом с подземной парковкой и суровой охраной. Пришлось снова звонить Банкирше, только после этого они с Жоркой добрались до лифта и квартиры.

– Проходите, проходите, – поторопила их Сабина, ничуть

не удивившись спутнику Алекса, и тут же исчезла в глубине апартаментов.

Ну вошли, двинулись следом за ней, слегка офигевая от вельможного интерьера. Добрались до нужной комнаты и офонарели еще больше. Это была детская в тридцать квадратных, настоящий детский сад с морем игрушек, тремя детскими кроватками, с двойкой видеотелика. Мальчик и две девочки трех-четырёх лет вместе с Сабиной самозабвенно строили из «лего» Вавилонскую башню. Банкиршу было не узнать: глаза горят, лицо румяное, движения ловки и умелы. Скользнув взглядом по комнате, Алекс заметил в углу светящийся видеоглазок, сразу пахнуло дорогим сердцу соглядатайством.

– Я сейчас, только видик включу, – сказала Сабина. Рассадила детвору, вставила диск с мультиками, и как только трое чад уставились в экран, вышла к ним в коридор.

– Это все не мои, – вывела она их из транса. – Клевую работу себе нашла. Сильно не завидовать, пожалуйста.

– А хата? – не мог Копылов сдержать своего предельного любопытства.

– Тоже не моя. Моей подруги. Неделю уже я здесь. Обалдеть можно, да! – говоря, Сабина одновременно в приоткрытую дверь держала под наблюдением детей и переводила взгляд с Алекса на Жорку, дабы утвердиться, что они все оценили как надо.

– Хочу сама иметь четверых детей: два мальчика и две

девочки. Как, способен прокормить меня и четырех детей?

– Детей – да, тебя – нет.

– Класс! – довольно просияла она. – Конверт на кухне и лист бумаги для расписки.

– Расписки? И что написать в расписке? – Он, впрочем, был не сильно удивлен.

– Просто – двадцать тысяч получил, подпись, число.

– И все?

– И все.

Чуть развернувшись в сторону детей, убранный головка Сабины скользнула в двадцати сантиметрах от носа Алекса, обдав его каким-то особым запахом с легким привкусом детских памперсов.

– Ну все. Идите. Можешь позвонить или сегодня после девяти, или завтра до десяти утра. Ты обещал насчет ритуала. Дверь сами захлопните.

В кухне-столовой на столешнице лежал толстый конверт, рядом лист бумаги и ручка. Алекс взял ручку и написал требуемую расписку. После чего они прошли в прихожую и «сами захлопнули» за собой дверь.

– Рассказывай сейчас, до твоей Треххатки я не дотерплю, – потребовал Хазин, как только они сели в машину.

Почему бы и нет? Не у каждого случается такой анекдот с многоженством. Рассказано было все как есть, начиная со звонка Стаса о кислоте для Веры и кончая сегодняшним конвертом с двадцатью тысячами. Жорка захохотал, еще не до-

слушав до конца, приткнул даже авто к поребрику, чтобы куда не врезаться.

– Ну не могу же я сказать ей, что просто глупо пошутил и давай не будем, – продолжал с серьезным видом жаловаться Копылов, вызывая новые приступы Жоркиного хохота. – Не могу же я сейчас после этого потерять перед ней лицо. Или она совсем приколов не понимает, или уже меня прикалывает, тогда тем более мне нужно все доиграть до конца. Понимаешь, я пообещал ей мормонский свадебный ритуал, но понятия не имею, как его придумать. Вся надежда только на тебя.

Хазин уже сполз от смеха под руль внедорожника. Алекс взял из подстаканника бутылку воды и опрокинул болезному на голову.

– Сделаю, сделаю я тебе этот ритуал, – обессиленно просипел Жорка, вылезая на сиденье и вытираясь носовым платком.

Стас и К^о хоть и убрали в квартире после налета гастролеров, однако это была чисто мужская уборка, после которой хотелось взять тряпку и пылесос и все убрать по новой. Жорка первым делом с любопытством осмотрел сейф.

– Ты что, в нем и свою стрелялку хранишь?

– Еще чего! А найди где.

Хазин вызов принял и взялся за самый дотошный обыск. «Глок» все еще оставался в распоряжении Сенюкова, но Алекс гостя останавливать не стал, просто ходил за ним и наблюдал, удивляясь Жоркиным ухваткам. Наконец дал отбой:

– Стрелялки сейчас здесь нет, но нужный схрон ты почти нашел.

– Скажи, который.

– Не, не скажу, – покачал головой Алекс.

В супермаркет они поленились заезжать, поэтому Хазину пришлось готовить ужин из яичницы, пельменей, красной икры и двух дринок десятилетнего виски, пока Алекс печатал на принте чертежи Жоркиного замка.

За едой мыли кости хозяйкам «Павла», историческим реконструкторам, редакции «Светлобеса». Потом перешли с мороженым в гостиную, и Алекс включил «глушилку».

– Мне уже страшно, – весело осклабился Жорка. – Это как-то связано с твоей поездкой в Москву?

– В общем-то, да. Но мне пообещали, что уже завтра эта угроза может как-то рассосаться. Я о другом. Мне поступило предложение возглавить некий московский клуб и превратить его в расширенную версию «Биремы».

– Я же говорил, что у нас классный клуб, а ты: «мелко, клипово, скучно», – воскликнул Хазин. – А как возглавить? Под чьим-то контролем или как? Если под контролем, то лучше «нет». Никаких денег не стоит, чтобы тебя на вшивость проверяли.

– Значит, ты «за»?

– В смысле, мне поехать с тобой в Москву? В командировку – да, насовсем – нет. Куда же я от своего Буцефала и ликбеза. А что тебя так смущает?

– Что там тридцать – сорок больших помещений, и штат тоже соответствующий.

– Ну и что?

– А то, что в «Бирему» я внедрился, как их освободитель от бандюганов, и все было шаг за шагом. А тут я приду – и сорок рыл будут просвечивать меня с фигой в кармане.

– И что? – Жорка не видел в этом ничего страшного. – В морду пару раз дашь самому борзому, остальные тут же хвост подожмут.

– И дамам тоже?

– Знаешь, как режиссер говорит труппе в начале театрального сезона: в этом сезоне моей фавориткой будет Маша Пупкина, остальных прошу не напрягаться. Наверняка там

есть хоть одна симпапончик. Мне ли тебя учить. Взбодрись дам и пустишь их по ложному следу. Только зауважают тебя за прямоту и конкретность. Да не переживай ты как девственница перед первой брачной ночью. Взял и все сделал, какие проблемы!

Действительно, какие проблемы – Алексу от его бодрости стало легко и весело. Он попробовал было рассказать Жорке об «Арго» более подробно, но тот замахал руками:

– Когда скажут готово, тогда поедем и всех уроем. А сейчас не хочу даже слушать.

Как это было похоже на его собственное: приду и всех победю.

– Ладно. Насчет твоего замка. Я три часа назад подписался на еще один филиал «Биремы». Стало быть, свободных денег у меня сейчас нет.

– А это? – Хазин указал на конверт Сабины, лежащий рядом с сейфом.

– Ага. Как же! В общем, подписывай под это дело всех ратоборцев с живыми деньгами, тогда даю отмашку. Хотя, думаю, мало кто согласится.

– Это почему ты так думаешь?

– Потому что и в простых боях травм более чем достаточно, а ты хочешь, чтобы их с осадных лестниц стлкнували и на голову им что-то лили, и из луков лупили. Сначала, может, и согласятся, а потом точно задний ход дадут.

– Ну и отлично, что задний. Зато у нас будет полноцен-

ный замок, как суперместная достопримечательность, и через год мы своими силами снимем постановочный фильм про этот штурм. Ты когда-нибудь слышал про киношный монтаж? Нарисуем и разбитые головы, и стрелы, торчащие из груди.

– И потом куда такой фильм?

– Ну ты что, я настолько вперед думать не умею, – взмолился Жорка.

Говоря Алексу, что через два дня со «Скамейкиным» все может решиться, Зацепин имел в виду следующее. Допрос трех сотрудников службы безопасности «Элиса», что работали при Лавочкине, дал некую зацепку. Один из них вспомнил, что как-то подвозил шефа в «адрес», про который Лавочкин обмолвился, что здесь живет его любимая кузина. Остальное было делом техники. Призвав на неформальную помощь знакомых фээсбэшников, майор раскопал не только адрес любимой кузины, но и то, что ей на днях исполняется пятьдесят лет. Так как у кузины были больные ноги, легко предполагалось, что из квартиры в свой юбилей она никак не выдвинется, стало быть, ее кузену есть резон самому навеститься к ней с тортом и букетом цветов. Вопрос был лишь в том, захочет ли тайных дел мастер тусоваться там с подружками своей сестры или придет отдельно.

В общем, с утра до часа Зацепин сам сидел в авто в засаде, потом его сменил Андрей Урнов на своей машине, издали держа под мощную оптику нужный подъезд. И в четыре часа дня Зацепину поступил звонок:

– Какой-то мужик в капюшоне заявленного роста и комплекции с букетом роз вошел в подъезд.

Через сорок минут майор был уже на месте.

– Не выходил?

– Не-а, вон его машина, – указал Андрей.

Зацепин секунду думал.

– Шило есть?

– Есть заточка, – Урнов вытащил из-под сиденья исконное эковское оружие. – У меня лучше получится.

Прогулочной походкой он направился в нужном направлении. Возле «мазды» Лавочкин достал из кармана какие-то бумаги, часть из которых тут же вылетела у него из рук, пришлось наклоняться и в два-три движения их собирать. Даже наблюдая в оптику, ничего, кроме этого, нельзя было заметить.

«Сделано», – доложил Андрей по мобильнику и прошел дальше не останавливаясь.

Конечно, самым простым было завалить Лавочкина при попытке «оказать сопротивление», но Зацепину требовалась от клиента дополнительная информация, поэтому было сказано:

– Берем теплым возле машины.

Еще минут через десять дверь подъезда открылась, и Лавочкин собственной персоной зашагал к «мазде». С противоположной стороны двора туда же двинулся и Урнов. Впрочем, линию огня он пересекать не должен был. Зацепин снял с предохранителя свой «Макарыч» и тоже двинулся вперед.

Лавочкин первым достиг «мазды» и как запнулся, увидев сдувшееся колесо.

В следующее мгновение навстречу Зацепину и Урнову по-

летели пули.

Вторая часть

1

Утром дуэт князьков накрыл открывший своим ключом Треххатку Стас:

– Ну и что такое тайное вы вчера бухтели, что включили «глушилку»?!

Они как раз в одних трусах находились в кабинете: Алекс на компе смотрел ленту новостей, Жорка самозабвенно крутил педали на его велотренажере.

– Содомией занимались, не хотели, чтобы вы услышали, – бодро ответил Копылов.

– Точно, а то вдруг и вы захотите, – вторил ему Хазин. И это на фоне еще не убранный на тахте постели отельера.

Левая рука капитана схватила за шею Алекса, правая за шею стащила с тренажера Жорку. Оба князька всегда подозревали инструктора в циклопической силе, но не могли представить, какая она чудовищная. Так и трепыхались в его ручищах, как-то пытаюсь заломить ему пальцы, а ногами пнуть в пах. Все было бесполезно.

– Как же вы уже меня достали! – рыкнул Стас, чуть столкнув их лбами и швырнув затем на тахту. – Этот вышел, ты сиди (второе предназначалось старшему князьку).

Им оставалось только повиноваться.

– Где ты говорил, у тебя стрелялка лежит? – придумал Жорка пошутить, но, заметив легкое движение капитана, гепардом выскочил за дверь.

– Ну? – грозно глянул на Алекса инструктор.

– Мне велели перебираться в Москву.

– Насовсем? – Стас даже оторопел от такой новости, для него она наверняка означало окончание роли контрразведчика и возврат к обучению шпионов-фабзайцев.

– Да нет, я сам не хочу насовсем. Буду пахать на две столы, если получится.

– А поконкретнее?

– Помните, с подачи Лупастика в «Биреме» московский гость ошивался? Так он предложил мне возглавить его клуб в Москве.

– Ну?

– Я сказал свои условия, теперь жду ответа. Не хотел кукарекать раньше времени, только и всего. Вон Жорка и тот не хочет обсуждать, пока не будет какого-то договора. А так я само послушание и дисциплина. (За перегородкой слышался смех Хазина.)

– Про Москву это все?

– Остальное – дела майора. Он мне толком о них не счел нужным рассказывать.

– В деревню съездил?

– Конечно. Даже думаю бабусю на «Фазенду» перевести.

Но теперь знак вопроса.

– Вера где?

– Поехала в Тверь родню навестить.

– Предыдущую ночь где провел?

– У Люсьен, а что?

– Письменный отчет за последние трое суток!

– Бу сделано, – с облегчением пообещал Алекс.

– С тебя тоже отчет за последние трое суток, – бросил

Стас Хазину, направляясь на выход. У дверей он, впрочем, затормозил, дабы сообщить Копылову: – Ты в курсе, что наш «Стрелец» в этом месяце в сильном минусе? Заказов на охрану и сопровождение ноль. Самое время избавиться от твоих боксеров.

– Не, моя империя может только расширяться, а не сокращаться. Хай будут.

– Хочешь дотировать?

– Не-а. Жорке в доставщики кофемолок отдам.

– А чего? Мне хорошие доставщики всегда нужны, – согласился Хазин.

Покачав сокрушенно головой: ох уж эти мне засранцы, Стас вышел за дверь. Парни, переглянувшись, ухмыльнулись – переход капитана-инструктора в подчиненные отельера-лейтенанта не остался ими не замеченным.

– Ну и здоров мужик! – признал Жорка, потирая шею.

Махнув на кухне по чашке кофе, они как путевые служащие поспешили на работу. По дороге младший князек по-

учал старшего:

– Если ты действительно хочешь отделаться от Банкирши, устрой ей испытания.

– В смысле? – послушно поддавался ему Копылов.

– Как ярый поборник равенства полов, считаю, пора ввести правила и для дам. Чтобы не только принц совершал подвиги для принцессы, но и она для принца тоже.

– Например?

– Самое простое: повесь ей на блузку жучок, а в машину транслятор. И скажи, что это для нее испытание.

– Да какая подруга на такое согласится! – Это был не вопрос, а утверждение.

– Значит, испытание не прошла. Привет независимым феминам!

Возле «Биремы» Жорка высадил отельера и поехал дальше в свой магазин немецкой бытовой техники.

2

Весь этот день прошел для Алекса в тревожном ожидании. Обещанные контрольные звонки из Москвы отсутствовали. Сам звонить и посылать эсэмэски он поостерегся, боясь ненароком подставить «дядю Альберто». Так и провозился весь день в служебном кабинете, разгребая авгиевы конюшни скопившихся бумаг и обсуждая с Евой ближайшие ремонты в отеле и гостевых квартирах. Потом переговорил с Ларой, сказал ей посидеть на «Фазенде» еще пару дней. Не было звонков и из Твери. Еще во внуковском накопителе он позвонил на квартиру родителей Веры, узнать, как «свет его очей» доехала до Твери. Вера сказала, что доехала хорошо, но сухость ее ответа рассердила его, и он решил, что сам первым больше звонить не будет. А если с ней что-то случится, то разъяренные родители сами по любому его найдут.

В час дня попросил принести ему в кабинет полный обед, потом, повесив на кабинет табличку «Не беспокоить», всласть читал «Народную монархию» Солоневича (Жоркин приказ к обязательному чтению). В три часа открылся клуб на втором этаже с выставкой псковского живописца – посмотрел и ее.

Время летело незаметно, но в тот момент, когда он собрался было уже ехать домой, в кабинет пожаловала Сабина собственной персоной. Вошла как к себе домой, благо охра-

нительницы Лары на месте не было.

– Ну и почему ты мне не позвонил? – сердито плюхнулась она в кресло напротив.

– Мне кажется, мы поменялись местами. Ты стала пылким нетерпеливым парнем, а я – застенчивой нерешительной девушкой.

– Опаньки! Мне это как-то в голову не приходило, а ведь верно. Моя ты девушка.

– Минутку, – сказал он, достал из стола диктофон и включил нужную кнопку.

– Это для чего? – чуть опешила Банкирша.

– Для истории. Каждый шаг наших отношений должен быть зафиксирован. Или мы этого не стоим?

– Ну не знаю, – она недоверчиво смотрела на диктофон.

– Давай рассказывай про свой детский сад.

– А ведь он классный у меня... – и Сабина стала рассказывать. Увлечшись, на запись уже не косилась. Да и то сказать, привыкла, наверно, к видеокамере в своем детском узилище, с помощью которой три богатых мамы контролировали ее гувернерство.

Алекс слушал, задавал вопросы – и ему действительно было интересно все это. Спросил и о наличии подходящего образования, Банкирша сказала, что год отучилась в пединституте, но ушла из-за одного дебильного препода. «А как насчет там восстановиться?» – спросил отельер. «Я и сама уже об этом думала», – отвечала фифочка, вернее бывшая фи-

фочка, а сейчас вполне вмняемая собеседница.

Их милое воркование прервали пришедшие подряд три эсэмэски. Демко написал:

«Сообщите, когда сможете приехать подписать договор, он выслан вам на имейл».

«Послезавтра буду», – ответил довольный Алекс.

Вера написала:

«Я выхожу замуж. Забудь меня».

После тридцатисекундного шока он отчеканил:

«Как скажешь». – От злости даже не позволил себе соскочить с фривольного разговора и настроения.

Третье послание было с неизвестного номера:

«Мы с П под домашним арестом. Идет служебное расследование. П ранен».

Тут стало совсем не до Банкирши. Он быстро распечатал присланный Демко договор и всунул его в файл и в свою плечевую торбу.

– Знаешь, мне срочно надо убежать.

– Как скажешь, мой господин, – сказала она, поднимаясь следом за ним.

– Всегда говори именно так – и все у тебя получится, – не мог он не засмеяться.

– Я знаю, – победительная улыбка сияла на ее хорошеньком личике. Это был уже перебор, поэтому он бросил как самое пустяковое:

– Кстати, до самого Ритуала тебе надо пройти несколь-

ко тестов. Первым было это (указал на диктофон), второе: необходимо прикрепить к твоему прикиду тайный жучок, а в твою тачку поставить передатчик.

– Как это? Для чего?

– Во-первых, узнать, как ты ведешь себя со своим окружением, во-вторых, тренаж, чтобы ты четко освоила грамотную интересную речь, в-третьих, доказала свою смелость, что не боишься ничего на свете.

– А в-четвертых?

– В-четвертых, – он чуть задумался. – В-четвертых... действительно для истории, какой зеленой ты была в самом начале.

– А в-пятых, чтобы ты мог показывать это другим бабам, – сердито подхватила она.

– Ну вот, тест на смелость ты уже не прошла, – резюмировал вреднюга-отельер. – Было приятно поговорить.

– Думаешь, я сдамся? Сначала дай мне как следует подумать.

– Все, пока, – он закрыл кабинет, даже чмокнул ее в щеку и быстрыми шагами устремился на выход через черный ход.

3

Впрочем, вышел наружу он не сразу, у самой двери остановился, дабы собрать разбегающиеся мысли в пучок. Тверское фиаско пока заблокировал, переключился на Москву. «Домашний арест», «служебное расследование», «ранен» – значит, не зря куратор говорил, что через два дня все может решиться, вот и решилось, но, видимо, с плачевным результатом. Немного подумав, он позвонил по телефону, высветившемуся на определителе. Ответил немолодой женский голос:

– Я вас слушаю.

– Извините, на моем телефоне отразился ваш вызов. Я хотел бы...

– Я весь день никому не звонила.

– Это был не звонок, а эсэмэска...

– А, это, должно быть, мой сосед Андрей. У него почему-то ни телефоны, ни интернет не работают. Его позвать или что-то передать?

– Да нет, ничего не надо, наверно, он по ошибке набрал мой номер. Извините... – И Алекс сбросил вызов.

Сомнений почти не оставалось: Урнов зашел к соседке «за солью» и рискнул послать сообщение. Хотя вполне возможно, что это другой Андрей и просто совпадение.

Еще чуть подумав, он набрал домашний телефон Зацепи-

на. (А что, я его воспитанник – имею право.) Ответил непри-
ветливый мужской голос:

«Алё».

– Мне Петра Ивановича пожалуйста.

«Он сейчас не может подойти к телефону. Что ему пере-
дать?»

– Если он в соседней комнате, просто передайте ему труб-
ку радиотелефона.

«К сожалению, он сейчас не может говорить. Что ему пе-
редать?»

– Передайте ему, что у него очень грубые и некультурные
гости, – своей последней фразой Копылов остался весьма до-
волен. Надо срочно снова в Москву, понял он.

Через два квартала от «Биремы» находилась авиакасса.
Уже почти вошел туда, да повернул назад, сообразив, что
теперь без стрелялки ему в Москве делать нечего, стало
быть, только на машине. Набрал Стаса:

– Мне срочно надо в Тверь за Верой.

«Что, прямо сейчас, на ночь?»

– Именно так.

«Что-то опять темнишь ты, парень».

– Готов потом все на полиграфе ответить.

«Автобусом или с Сеньюковым?»

– С Сеньюковым.

Отпущенный водитель был уже дома и звонок босса его
совсем не обрадовал, сказал, что уже принял на грудь две

банки пива.

– Ничего, я сам поведу, ты, главное, не забудь мою вещицу взять.

В общем, скачок на метро до Треххатки, там пара трусов с носками и еле найденные водительские права в торбу – и к дому Сеньюкова.

Пока трясся в вагоне метро, прочитал договор из «Арго», там были одни общие слова: улучшить, расширить, увеличить. Сунув листики назад в папку, дал волю *тверской проблеме*. Сразу накатила волна тихого бешенства. Как же он ненавидел превращение своей бескрайней мужской жизни в крохотную мышиную норку со всеми этими стенаниями: любит – не любит, ценит – не ценит, дорожит – не дорожит. Ну что ж, даже и лучше: не надо под нее как-то подстраиваться, заботиться о ее благополучии и развлечениях. Но какова девушка! Или думает, что с его стороны последует какое-то продолжение, ведь написала: выхожу замуж, значит, еще не вышла. Он что же, должен сейчас броситься в Тверь и умолять все отыграть назад? И в Париж поедет, и в Майами, и загородный дом в Твери построим для твоих родителей, и пиар-компанию развернем в СМИ для твоих книжек, и в церкви повенчаемся, как ты когда-то хотела. Самое лучшее никогда с ней даже случайно больше не пересекаться. Но ведь шмотье, книги, рукописи, ювелирку надо ей как-то передать. А его завещание? Нет, полностью ее он оттуда не уберет. Все-таки это были три дивных года с ней, когда

она подарила ему великую надежду на идеальные отношения мужчины и женщины. Глупости про его измены оставим за скобками, ведь не рыскал же он в поисках постельных приключений, сами дамы проявляли инициативу, причем знали, что у него есть Первая леди, и ничуть этим не смущались. Он что же, должен был закрывать руками причинное место и вопить: не отдам и поцелуя без любви? Жаль, конечно, что правы оказались старшие товарищи, что у него с Верой ничего не получится, не выдержит она его стороннего донжуанства. Ну так тому и быть.

Слухи о двух банках пива оказались преувеличенными – Сенюков еще только собирался их употребить, поэтому сел за руль сам. Попросил только:

– Ты только со мной говори, чтобы я не уснул.

Еще чего: говорить! Алекс достал свою электронку и стал читать вслух «Народную монархию», но слишком заумное чтение не прокатило. Тогда открыл предыдущий хазинский хит: «Кони, кони» Кормака Маккарти – и чтение пошло намного живее.

– Так ведь это один в один про вас с Жоркой, – сказал через час Сенюков.

– А точно, очень похоже. Особенно с Жоркиным Буцефалом и моей Муськой, – согласился Алекс. – А у тебя такой дружбан есть?

Сенюков не ответил.

– А Родя, Геша, Денис Покусанный? – ОТЕЛЬЕР перечис-

лил однокурсников-гопников Сенюкова, что три года назад всей четверкой по подозрению в институтском стукачестве сожгли «мерседес» Алекса и до полусмерти, надев наручники, отметили его самого.

– Это друзья в американском понимании этого слова, в русском понимании они просто приятели.

– Но вы же встречаетесь, что-то отмечаете, на шашлыки ходите, разве нет?

Ответом боссу была лишь выразительная усмешка. Самое время было спросить, как именно у них сложилась операция по нападению на него, тогда еще Димона Волкова, но не спросил: такие знания могли нарушить сложившийся с их четверкой статус-кво. Притомившись читать, он просто отослал Сенюкова на задние сиденья спать и сам сел за руль. Забытое удовольствие подействовало на него как допинг, так что он даже не стал будить на смену себе Сенюкова, а сам доругил до самой Твери.

В областной центр въезжали уже с рассветом. Возле железнодорожного вокзала Алекс нашел свободную парковку и занял там место. Сенюков продолжал сладко посапывать на задних сиденьях. Копылов оторвал в блокноте листок, написал распоряжение никуда не заходить и никому не звонить, а сразу одному ехать в обратный путь, и вышел из машины.

4

На вокзале он поспел к первой электричке на Москву. Сел и поехал. Вскоре бойкие коробейницы начали разносить по вагонам пирожки и пиво, что здорово спасло его от голодной смерти. Вот уже и Ленинградский вокзал. Отсюда дом Зацепина был в пешей доступности. По дороге он зашел в «Макдональдс», закинул в пищевод чизбургер, в туалете поменял носки, заодно и зубы почистил. Хорошо, что короткая борода, скрывая шрам на щеке (привет от студентов-гопников), освобождала от необходимости бриться. Теперь только причесаться перед зеркалом и вперед на абордаж.

Старые сталинские дворы заметно отличались от дворов питерских своим простором, здесь и с десятков машин помещалось, и детская площадка с полудюжиной лялечек с их мамами и бабушками. Алекс первым делом прошел к торцу дома, где майор оставлял свои метки, на случай тревоги или дальнего отъезда. Новых меток там не было. Занавески на окнах квартиры были отдернуты, от снайперов там явно никто не прятался. Зато в противоположном углу двора стоял невзрачный грузовой минивэн, без явного присутствия в нем людей. Отельер невольно усмехнулся, вспомнив, как Жорка трепался, что сейчас в таких минивэнах стали устанавливать биотуалеты – а что, как же без него.

Неподалеку от жилой застройки был целый ряд старых га-

ражей, обрамленных деревьями и кустами. Самое место было для временного схрона. Выкопав в земле ножом ямку, Алекс всунул в нее завернутый в пластиковый пакет «Глок». Направляясь уже назад во двор, послал эсэмэску Стасу: «Иду к дяде Пете, он ранен и под домашним арестом. Если что, спасайте». Отправив сие послание, он тут же его предусмотрительно стер, как и все предыдущие.

Домофонную дверь в подъезде преодолел, набрав чью-то квартиру и попросив открыть. В Питере с осторожностью было как-то построже. Лифтом не стал пользоваться, поднялся на пятый этаж по лестнице. А вот и квартира. Нажал на звонок (закрыв пальцем глазок) и один раз, и второй, и третий.

– Кто там? – наконец раздался глухой мужской голос.

– Это я, дядя Петя! Открывай уже. Сейчас уписаюсь. Открывай!

Замок щелкнул, дверь открылась. В проеме стоял худощавый мужчина с отведенной за спину правой рукой.

– Куда? Дяди Пети нет! Вэк отсюда, молодой человек.

– Да пошел ты! – Алекс сильно пихнул Худощавого и вошел в прихожую.

– Стоять, я сказал!

Одной рукой Копылова схватили за шиворот, а во второй руке заплясал «Макарыч» в десяти сантиметрах от его носа. Момент для атаки был супер. Перехватив кисть с пистолетом, Алекс сделал «вертушку», переплетя руки Худощавого

так, что тот сделал вынужденный кувырок, а «Макарыч» стал добычей нахального гостя. Не обращая внимания на растянувшегося на полу противника, Алекс прошел по коридору дальше. В гостиной никого не было, а вот в кабинете в кресле-качалке сидел Зацепин собственной персоной в халате и с книгой в руках.

– Дядь Петь, это чего, а?

Майор не успел ответить, как в кабинет ворвался Худошавый.

– Быстро отдал, ну!

– Да пожалуйста. – Алекс достал обойму и протянул стрелялку служивому.

– Всё, успокойтесь! – властно рявкнул Зацепин, вставая. – Кто же так гостей встречает. Чайку нам приготовил бы.

Худошавый озадаченно глянул на него и неуверенно тронулся в сторону кухни.

– У тебя две минуты. – Майор что-то написал на клочке бумаги и заговорил по-испански: – Это номер босса «Элиса»: Аникеев Игорь Михайлович. Запомнил? (Бумажка тут же была разорвана.) Мы с Андреем здорово лажанулись. Брать хотели Табуреткина возле его машины. Не учли только, что его телохранитель там два часа тихо сидел. Спасли броники, меня как ангел с ними в ту минуту поцеловал. Только трицепс продырявили. (под халатом левая рука действительно была перевязана). Обоих клиентов мы тоже ранили. Главного в лицо, но сумел уйти, охранника по корпусу, и сейчас он

в коме. Мы теперь с Андреем под колпаком, вся надежда на тебя. По горячим следам Скамейкина надо найти. Аникеев заинтересован помогать.

В прихожей хлопнула входная дверь. Алекс вскочил с кресла и метнулся к главному украшению: казачьей шашке и декоративной шпаге, что висели на стене. Когда в кабинет ворвались Худощавый с лысоватым крепышом, он уже держал обе железки в руках.

– Быстро положил! – зарычал Лысоватый, доставая свой «Макарыч». У Худощавого его пустая пушка тоже была наготове.

– Поговорю, тогда и положу. – Алекс колющими выпадами не давал им к себе приблизиться.

– Я же выстрелю. – Лысоватый по-серьезному изготовился.

– Ну и стреляй. Потом гордиться будешь своей крутостью.

– Могу и в ногу. – Ствол пистолета опустился.

– Если хотите меня на руках носить, то вперед, – Копылов не желал уступать.

– Он же дурной, он точно может проткнуть. – Зацепин один сохранял спокойствие.

Лысоватый достал мобильник и проговорил:

– Срочно пришлите машину, тут одного гостя надо упаковать.

Зацепин вернулся в свою качалку, Алекс занял компьютерное кресло.

– Ну так я получил этот договор с клубом, – Алекс продолжил свой разговор уже по-русски. – Вот приехал, чтобы вступить в свои права, если, конечно, кое-кто меня не расстреляет. (Выразительный взгляд в сторону служивых.)

Те молча стояли и слушали. Пришлось снова перейти на спанишь:

– А почему служебное расследование?

– Ну, а что меня такого хорошего и сразу под суд? Эти броники, эта стрельба – всем интересно, чья эта операция, никто не верит, что только моя. Кстати, можешь еще Зое позвонить, ее уже допрашивали, она почище тебя сюда врвалась.

Они проговорили еще с полчаса, обсудив все в подробностях. Скорее всего, прослушки в квартире не было. Потом на простой «Ладе» прибыли еще два субчика в гражданском, надели на Алекса наручники и увезли с собой.

5

Доставили бравого отельера в некое двухэтажное казенное строение с двором, обнесенным бетонным забором. Провели коридором в комнату навроде диспетчерской. Там за железным столом сидели двое, по виду старших офицера. Один из них проверил паспорт и торбу Алекса, другой стал копаться в его мобильнике и пролистал договор с «Арго». Сам арестант стоял тут же, наблюдая.

– Мне в галюн срочно надо, – произнес Копылов, когда надоело ждать.

– В штаны давай, – сказал тот, что был поулыбчивей.

– Как скажете. – Наручники совсем не мешали Алексу расстегнуть ширинку.

– Э, э! – замахал руками Сердитый.

Привезший отельера охранник подхватил его под руку и потащил в туалет.

Потом под настольную видеокамеру был сам допрос. Спрашивал в основном Улыбчивый, Сердитый лишь все время что-то помечал у себя в блокноте. Начали со времен Царя Гороха: где жил, где учился, кем работал.

А чего Алексу стесняться – он бухтел почти все как на самом деле. До тринадцати лет жил в Коста-Рике, не подозревая, что родители русские шпионы (так и сказал), затем силой под уколами был вывезен в Москву. Учился в сто четыр-

надцатой школе-интернате (не вам говорить, что это за школа), после в московском вузе, *сильно проигравшись в карты*, сбежал в Питер (следователи и это скушали), месяц назад институт окончил. Два года назад получил наследство и купил в Питере отель «Бирему», теперь вот прицениваюсь к ночному клубу «Арго». К дяде Пете зашел, чтобы обсудить эту покупку.

«Что он знает о людях, на которых его дядя Петя охотился?» – «Дядя Петя с ним такие вещи не обсуждает, бережет его юную психику». – «Откуда он узнал, что Зацепин под домашним арестом?» – «А он и не узнал, когда позвонил, подумал, что там просто пьяные гости». – «Почему мобильник так тщательно вычищен?» – «“Янычарский лицей” втюхал в меня такие привычки». – «Кого из окружения Зацепина знаете?» – «После того как после школы я отказался получать шпионское образование, доступ к его знакомым мне, естественно, был закрыт». – «Но вы все равно все эти годы продолжали с Зацепиным регулярно встречаться». – «Сначала он был моим опекуном, а потом с кем еще мне было как следует поговорить на испанском».

Два часа активного говорения пролетели незаметно.
– Сделаем небольшой перерыв, – сказал Улыбчивый.

Алекса отвели в комнату без окон, где были лишь деревянный топчан, вместо параша ведро, а в качестве роскоши рулон туалетной бумаги. Часы у него тоже были изъяты, поэтому о истекшем времени приходилось только догадывать-

ся. Ну и ничего, лег на голые доски топчана и тотчас заснул. Ему приснилась фраза «Грабитель вас будут медленно». Сам сон не запомнился, а слова зафиксировались четко, заставив рассмеяться. Спасибо партайгеноссе Лавочкину – неясный прежде путь экспроприатора был найден: грабить надо не самих предателей из «Списка 30», а всех их детей и родственников.

Второй допрос утром проходил более душевно, чем первый. Был даже чай с печеньем.

– Хочу показать вам один интересный документ, – отставив кружку, Сердитый достал лист бумаги и протянул его арестанту. Там почерком Алекса было написано:

«Я, Волков Дмитрий Николаевич, согласен сотрудничать с Федеральной службой безопасности Российской Федерации. Обязуюсь не совершать неправомерные действия и сообщать любые сведения о тех людях, с которыми мне придется вступать в контакт. При этом обязуюсь никому не открывать свое сотрудничество с ФСБ. Я предупрежден о том, что за нарушения этого обязательства подлежу строгой уголовной ответственности».

– Ваш почерк?

– Ну конечно. Если вы нашли эту бумагу, значит, знаете, что похожую я написал еще одному закрытому ведомству. И что тогда?

– Тогда нам надо, чтобы вы все это написали еще раз уже от лица Александра Сергеевича Копылова, – сухо сказал

Сердитый.

– Да пожалуйста, – Алекс взял протянутый ему лист бумаги и ручку и написал то, что требовалось.

– Кто из ФСБ курировал вас в Питере?

– Некая Виктория Гоголева. Старлей, однако.

– О чем писали ей отчеты?

– О настроениях в студенческой среде. И о том, что с вербовкой дополнительных сексотов у меня никак не получается.

– А потом, когда купили «Бирему»?

– Потом она от меня отстала. Приходила как-то в «Лэнгвидж Скул», пронзила меня гневным взглядом, но качать права не стала. Видимо, получила запрет.

– Нам уже сообщили о вашем своенравном характере, но питерской вольности вам больше не будет, желательно, чтобы вы поняли это заранее.

Уведомив, что это далеко не последняя их встреча, его отпустили. Когда вышел из здания, уже вовсю палило солнце. Поймав частного, он поехал на квартиру Хазина принять душ. Там все было так же, как месяц назад, когда он приезжал на защиту институтского диплома. Разве что на стенах уменьшилось количество фото с лошадьми – их Жорка постепенно перевозил в питерскую коммуналку и в свой персональный номер в мотеле «Фазенды».

Надо было решать, что делать дальше: клуб «Арго» или Аникеев? Если «Арго», то без Жорки как-то не фонтан, а до

Аникеева еще надо суметь добраться. Не определившись, он послал Хазину эсэмэску: «Договор есть, срочно прилетай на смотрины “Арго”». Когда принимал горячую ванну, от Жорки пришли две эсэмэски: «Еду», «Позвони Даниловне, она просила».

Даниловна была старостой в их с Хазиным восьмом и девятом классах. Потом оказалось, что ее когнитивного уровня не совсем достаточно для «Янычарского лица», но вполне хватает доучиться в дипломатической школе в Москве и поступить сначала в МГИМО, а оттуда в Гарвард. Потом было два года общения с ней по имейлу, где рассказывали друг другу о своих любовных похождениях. Дважды кратко встречались, то в Хельсинки, то в Питере, но до интима по разным причинам у них дело так и не дошло.

После того как у нее произошло расставание со Стивом Коупом, сыном трехзвездного американского генерала, (ее великой надеждой на большую шпионскую жизнь) Даниловна еще полгода проболталась в Нью-Йорке на какой-то офисной работе, затем вернулась в Москву, где нашла работу со своим английским и немецким в солидном СП. По возвращении общалась по телефону только с Хазиным, даже просила его ничего Алексу об этом не сообщать (Жорка конечно же сообщил).

Ну раз есть просьба, то будет и звонок:

– Алло. Это некто Копылов.

«Ты в Москве?»

– Точно так.

«Было бы здорово, если бы ты приехал ко мне прямо сейчас».

– Пиши адрес.

Она написала. Какое «Арго», какой Аникеев с Лавочкиным? Как говаривал Александр III: «Когда русский парень спешит на свидание, всё мировое шпионство может и подождать».

Особо выпендриваться не стал: цветы, шампанское, торт.

6

Кирпичная девятиэтажка была с длинными лоджиями, по ним классно верх-вниз карабкаться, машинально отметил он. Из двери подъезда как раз кто-то выходил, и он проскользнул внутрь без всякого домофона. Позвонил прямо в дверь нужной квартиры.

– Как здорово, что ты приехал! – ее глаза слезились и сияли одновременно. Сама была в халате и с красным носом. – Не целуй меня, я больная! Заразиться хочешь?

– Опять что-то венерическое! – Он, кинув цветы и пакет на тумбочку, заграбастал ее в охапку и залепил рот поцелуем.

– Удушишь! У меня нос совсем не дышит.

Какая проза, он-то надеялся на немедленный африканский интим прямо у порога, как видел в каком-то французском фильме. Ладно, войдем в положение и будем все по приличному. Чуть отстранившись, он ел ее глазами, даже распахнул на ее груди халат, но там увы оказалась еще и ночная рубашка.

– Ты что, женщин пять лет не видел?

– Больше, десять, вернее, восемь. Как ты драпанула из школы, так и не видел.

– Наверно, всю дорогу слова учил, – благосклонно смеялась она.

– Что? Как? Почему? – Это уже относилось к квартире.

– Мое наследство от бабушки. Не только ты у нас богатый наследник. Жорка сказал, что ты так и не купил себе машины. А у меня вон «рено» двухтысячного года под окном стоит.

Она водила его по квартире, показывая. Это была трехкомнатная хрущевка со смежными комнатами и маленькой кухней. В каждой комнате он останавливался и целовал хозяйку. Температура, хоть и небольшая, у нее точно была, поэтому, доведя ее до разобранной кровати, он просто сгрузил любимую под одеяло и направился на кухню:

– Лежи, доходяга, я все сам.

Поставил цветы в вазу, из холодильника достал сыр, ветчину, семгу и лед, добавил к этому на поднос шампанское, фрукты, торт, чай с медом и понес все это на тумбочку у ее постели, сам пристроившись рядом на пуховичке. Но чинного пиршества все равно не получилось, руки и губы сами тянулись друг к другу, и после получаса такого дразнения Даниловна сказала:

– Ну ладно, иди уже. Умру так умру.

Конечно, особенно феерического интима не получилось, но это в общем-то и не требовалось. После восьми лет чистой платоники само непрерывное касание и ласки друг друга были наивысшей наградой.

Потом пошли, правда, разговоры.

– И какой у меня теперь порядковый номер?

По привычке он легко поддался на провокацию:

– Пятый.

– А что мне сделать, чтобы стать первой ханум?

– Отравить предыдущих четыре.

– Приедешь к Вере и как ни в чем не бывало будешь обнимать ее и говорить, как ты ее любишь?

– А у меня есть другие варианты?

– Бабник ты, товарищ Алехандро.

– Это сказано с одобрением?

– Это сказано с досадой и обидой.

Слава богу, она сама соскочила с этой темы.

– Жорка говорил, вы планируете в Питере целую серию балов-маскарадов. Я туда допускаюсь или нет?

– На каждый бал отдельный маскарадный костюм – и да.

– Это вам инглиши заказали или вы сами такие ушлые?

– Навязывать окружающему миру свои законы – наша с Жоркой слабость.

Она внимательно посмотрела на него, этакой преамбулой к важному вопросу.

– Скажи, а почему вы с Жоркой такие фартовые? Вернее, почему фартовый ты, Жорка тебе в рот только и смотрит.

– Фартовый! – возмутился он, вспомнив два своих ранения, сожженный «мерседес» и жесткое избиение гопниками-сокурсниками. Но не будешь же все это объяснять неразумному дамскому созданию.

– Ну всё тебе удается, все к тебе тянутся, – пояснила она

слово «фартовый», вдруг он еще не постиг его смысла.

– Ты же знаешь, я всего лишь мелкий шпионский клерк, пусти – повалюся, как говорил наш военрук. Помнишь?

– Ага, и за это тебе дали кубинский орден.

– Жорка за свой язык будет расстрелян самым циничным образом.

– Скажи: в чем твой секрет?

– В том, что я одновременно живу четырьмя жизнями.

– Это ты своих четырех жен имеешь в виду? – тут же встала она.

– Жены – не предмет для мужских волнений, – не остался Алекс в долгу.

– И какие это жизни, – Даниловна с готовностью выставила четыре пальца.

– Одна – отельерская, вторая – шпионская, третья – бандитская, четвертая – произвольная.

– Что такое произвольная? – тут же возник законный вопрос.

– Что-нибудь шальное, бесконвойное. Для души. Ты, например.

– Ясно. – Даниловна чуть задумалась: – Кстати, очень хотелось бы узнать, как ты ко мне относишься, не сейчас, но вообще.

Алекс думал не очень долго:

– Ты заполнитель всей моей любовной романтики.

– Как это?

– Помнишь, как в интернате ты перед своим отъездом назначила каждое пятое число нечетного месяца встречаться в Камергерском переулке напротив МХАТа?

– Я виновата, по-твоему?

– Да нет. Мне самому нравилось туда приходить.

Она с минуту задумчиво смотрела на него.

– А насчет твоей Веры как?

– Тебе не понравится.

– Да уж говори.

– Мне всегда было важно, чтобы девушка обязательно чем-нибудь поразила мое воображение. Однажды она призналась, что в детстве пять раз прочитала «Робинзона Крузо» и поняла, как тотальное человеческое одиночество может быть супер-ярко и увлекательно. И с тринадцати лет она научилась при всяких своих проблемах закрывать стеклянную дверь и уходить на свой остров, где она полная владычица морская и земная.

– И что тебя тут поразило?

– То, если бы парень сказал, что он любит одиночество, я бы и ухом не повел. Сам такой. Но чтобы молодая симпатичная девушка вдруг не боится и любит одиночество, я прямо в осадок выпал. Сейчас с ее подачи и сам научился уходить на такой остров за стеклянную дверь. Очень классно, между прочим.

– А на Жорку и Еву романтики совсем не осталось?

– Наоборот прибавилось. Помнишь, год назад башни

в Нью-Йорке грохнули?

– Да, Жорка рассказывал, как вы с пистолетиками бросились нашим танкам и бэтээрам помогать против натовских ракет.

– А он не сказал, что с нами еще два наших куратора были.

– И что?..

– И ничего. Просто никто из нас пятерых не стал словесную муть нести. По законам Голливуда надо было о семьях и родных переживать или хотя бы в какой-то главный штаб мчаться, а мы просто ехали с колонной танков со своими стрелялками и молчали. Я прямо потом наших кураторов страшно зауважал, ну и Жорку с Евой до кучи.

Даниловна для еще большей серьезности глотнула из бокала шампанского:

– У меня к тебе важный разговор.

Он (с внутренним вздохом) был весь внимание.

– Я хочу в вашу команду, – просто объяснила она.

– В смысле, в Питер? – уточнил он.

– Могу и здесь, если скажешь. Жорка намекнул, что ты можешь и в Москву переместиться. Ты же его пристроил, пристрой и меня. Ну Алекс, мне это вот как надо! – Она чиркнула себя по шее. – Иначе, ей-богу, сопыюсь. Или еще что. И ты будешь виноват. Ну придумай. Как с этим отелом или с этими бандитами придумал.

– Мне нужно суперважное российское военное изобретение с тупиковым результатом, чтобы я мог его перекинуть

матрасникам, а они бы затратили пару миллиардов тугриков и два-три года ничего бы не достигли.

– Где я тебе такое возьму?

– Очень просто, активно включись в тусовку генеральских детей. В Питере я на эту информацию могу выйти через пять-шесть рукопожатий, ты в Москве в такой тусовке выйдешь за два-три рукопожатия.

– У меня такая тусовка была в Бостоне со Стивом – и ничего не вышло.

– Тем более у тебя уже и опыт есть, – констатировал Алекс. – Ладно, с твоего разрешения займусь текущим шпионством, а то ЦРУ расстроится – зря мне жалованье платит. – И он потянулся за мобильником, лежащим где-то на полу в кармане джинсов, а потом вышел с ним на кухню, прикрыв за собой дверь.

Босс «Элиса» на звонок отозвался сразу, видимо, это был «горячий телефон».

– Я тот самый художник с теми шаржами, – представился Алекс. – Майор ранен и под наблюдением, нужный клиент тоже ранен, но ушел. Очень нужно встретиться с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.